

Алла Анатольевна Гореликова
Серебряный волк, или Дознаватель
Серия «Корона», книга 2

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139236
Серебряный волк, или Дознаватель: М.; 2007
ISBN 5-9717-0176-2

Аннотация

Заглядывать в глубь минувшей эпохи, проживать эпизоды чужой жизни – да, это бывает страшно. Однако Анже поручено великое деяние: он должен узнать правду о судьбе принца Карела, героя Смутных времен. И расследование увлекает скромного послушника.

Ненужная война между людьми и гномами все больше истощает королевство Таргалу, скоро она станет легкой добычей для жадных соседей. Между тем король Анри не желает признавать, что только мир с Подземельем, мир на любых, пусть даже унижительных условиях, спасет его страну. И даже единственного сына он готов принести в жертву амбициям...

Содержание

В КОРВАРЕНУ!	4
1. Мишо Серебряная Струна, менестрель	4
2. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	6
3. Беженцы	7
4. Ракмаиль, купец из Благословенного Халифата	10
5. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	13
УЧЕНЬЕ – СВЕТ	15
1. Мишо Серебряная Струна, менестрель	15
2. Корварена	17
3. О расценках на учебу	18
4. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	19
5. О дворянской чести и прочей ерунде	20
6. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	21
7. О шпагах и попойках	22
ТРИ ДРУГА, ТРИ ВАГАНТА	25
1. Мишо Серебряная Струна, менестрель	25
2. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	26
3. Осенняя Корварена	27
4. Карел, наследный принц Таргалы	29
5. Королева Нина	32
ГОТВЯНЬ, КОРОННЫЙ ГОРОД	34
1. Карел, наследный принц Таргалы	34
2. Готвянь встречается господина	35
3. Монах по приговору	37
4. Карел, наследный принц Таргалы	40
5. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	42
6. Вечер в «Морском змее»	43
7. Ночь молчания	45
ГНЕВ КОРОЛЯ	46
1. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	46
2. Друзья	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алла Гореликова

Серебряный волк, или Дознаватель

В КОРВАРЕНУ!

1. Мишо Серебряная Струна, менестрель

О привычке Мишо пережидать межсезонье под щедрым кровом знал весь Золотой Полуостров. Как и о том, что «межсезонье» у Мишо Серебряной Струны может наступить в любое время, даже в разгар осенних ярмарок. Было бы желание, а вернее – нежелание таскаться по дорогам и развлекать честную публику то здесь, то там.

Мишо пережидал наплывы лени то в казармах королевских рыцарей, то в щедром замке скучающего провинциального аристократа; раз, говорят, умудрился даже уйти в плавание с каким-то не то себастьимским, не то вовсе ханджарским купцом – правда, открытое море так укутало менестреля, что с тех пор он даже через неширокую в Корварене Реньяну ни за какие коврижки не стал бы перебираться в лодке перевозчика.

Поэтому, когда Мишо Серебряная Струна заколотил мощным кулаком в ворота монастыря Софии Предстоящей и заявил, что пришел в гости и гостить собирается до осени, брат Серж ничуть не удивился. Впустил без вопросов, сам проводил в приемную и, вернувшись на пост, сказал напарнику:

– Ну, будет весело! Попомни мои слова, Джон.

И, конечно, не ошибся.

Уже за вечерней трапезой, смирно прослушав молитву и с завидным аппетитом опустошив миску с похлебкой, Мишо дал понять, чем собирается расплачиваться за гостеприимство. Он встал, поклонился первым делом светлейшим отцам, а после – остальной братии, негромко прокашлялся и спросил:

– Как же мне отблагодарить вас за хлеб и за кров? Разве что работой своей, теми сказаниями, с коими хожу я по Золотому Полуострову, поучая и развлекая честную публику. Дозвольте же, отцы мои, – тут он снова поклонился светлейшим, – в первый день мой под этим кровом начать сказание о святом Кареле, любимейшем святом нашей страны. И знайте, что это будет самое полное сказание из всех, что ходят по Таргале, ибо не пожалел я усилий и собрал воедино всё, что помнят еще люди об этом святом, о жизни его и деяниях, о друзьях его и врагах, и о том, чем славен он вовеки.

Светлейший отец Николас встал и, кивнув, осенил менестреля благословением. Мишо Серебряная Струна просиял благоговейной улыбкой, снова откашлялся и начал:

– Он родился в день поражения Таргалы, в кровавый день разгрома у Волчьего Перевала. В тот день, когда пали лучшие, когда воины с востока ворвались в Прихолмье, в день, когда была утеряна надежда на победу. Но он родился в день святого Карела, дарующего надежду во тьме отчаяния. И королева Нина, провидица и ведьма, сказала так: «Пусть сын мой станет надеждой для страны моей». И нарекла его Карелом, и тем определила его судьбу. И что вы думаете – это стало ясно сразу! Ведь воины Двенадцати Земель не пошли дальше Прихолмья, и скоро, совсем скоро король Двенадцати Земель попросил мира. И ради мира породнился с королем Таргалы, попросив дочь его Марготу стать своею королевой. Так видим мы – уже одно рождение будущего святого усмирило неправедных и прекратило войну.

Мишо перевел дух. Обвел глазами внимательных слушателей, отхлебнул воды из грубой глиняной чашки. Посмотрел на светлейших отцов с легкой тенью упрека... не упрека даже, а этакое смиренного страдания. И продолжил:

– Но случилось так, что объявились на Золотом Полуострове другие любители войны. Случилось так, что гномам, нелюди подземельной, не стало хватать их подземных угодий, и захотели они хозяйничать там, где искони хозяйничали люди, и начали войну за всё, что под поверхностью земли. И король Таргалы возмутился, и вывел против гномов свои войска. Гномы же не стали воевать так, как привыкли люди. Вместо этого принялись они истреблять всё живое, что растёт на земле и ходит по земле, дабы не стало у них соперников на Золотом Полуострове. Гномы сушили колодцы и жгли поленницы, и отводили подземные воды от садов и полей, и напускали кровососов на коней и скот. Люди умирали от голода и холода, и не только одинокие путники пропадали бесследно, но даже торговые обозы вместе с охраной.

Мишо снова отхлебнул воды. И сказал, покашляв и чуть приметно вздохнув:

– Так восславим же Господа за хлеб его! Простите меня, святые отцы, устал я... дозвоьте продолжить завтра.

2. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

– Знал бы ты Серебряную Струну, как знаю я, не обманывался бы его кашлем, – Серж ложится, закидывая руки за голову. – Устал он, как же! Налейте Мишо вдоволь вина, и он будет трепаться до рассвета, а потом до заката. Хотя, как по мне, он и в самом деле мог собрать в кучу всё, что говорят о святом Кареле. Есть у него такая, знаешь ли, въедливость. Если ему нравится какая байка, он не успокоится, пока не раздует ее до самой настоящей саги – и при этом ни словечка не приврет. Попомни мои слова, друг Анже, мы услышим от него немало занятного.

– Так, может, рассказать ему?...

– И не думай! Мишо, конечно, менестрель милостью Господней, но такое трепло! Слово «тайна» он признаёт только в сказаниях.

– Жаль. А то у него было бы не только самое подробное сказание, но и самое правдивое.

– Ну, может, Пресветлый и разрешит рассказать... потом, когда ты доведешь дознание до конца. Может, он даже велит брату библиотекарю собрать твои видения в книгу. А потом отдаст переписчикам и разошлет по всем монастырям. Уж конечно, не для того ты тратишь силы на поиски правды, чтобы никто так и не узнал о ней!

Я улыбаюсь в ответ на улыбку Сержа. И, вспомнив начало рассказа Мишо Серебряной Струны, говорю:

– Принц-надежда... Выходит, не только гномы звали его так. Что ж, буду работать. Знаешь, Мишо меня раззадорил.

Я подхожу к столу. Брошка Юлии... Лекина «серебряная трава» и Серегин волк... гномий нож, помнящий маленького Карела. Хватит ли мне вашей памяти, чтобы проверить сказание до конца?

Но пока до конца далеко. Пока – принц Валерий едет в Корварену, в Университет, и впереди у него дружба с принцем Карелом, опасные приключения, плен в Подземелье и спасение Таргалы. Так говорит о нем сказание.

Остроглазый серебряный волк, почему кажется мне, что ты расскажешь лучше? Два принца, Карел и Валерий... мне интересен третий ваш товарищ. Сергей, побратим принца Двенадцати Земель, о котором молчат менестрели.

3. Беженцы

Закатный тракт стелется бесконечной серо-бурой лентой под копыта медлительных, непривычно массивных таргальских коней. Плывут мимо и остаются позади сады и ягодники, луговины с пасущимися коровами, заросшие камышом речушки, пивоварни и сыродельни, трактиры и постоянные дворы. Лека всё хмурится. Я знаю, он думает о своем дед-короле. Я чувствую Лекину напряженную готовность – ту готовность к неведомой опасности, которую сам он называет «кошки душу дерут».

По-моему, Васюра тоже ее почуял – пугая нас свежими новостями из Таргалы, он то и дело приостанавливается, кидает на Леку тревожно-вопросительный взгляд.

– Дальше, – спокойно говорит мой побратим. У меня мороз по коже гуляет от его спокойствия!

Васюра пересказывает нам донесения последних дней и вспоминает то, о чем не успел сказать подробно в Славышти, когда нас готовили в путь. О разбойных засадах на дорогах и о патрулирующих Прихолмье гномьих отрядах, о голоде, об имперских агентах в Себасте, Корварене и Готвяни. То, что мы должны знать, с чем можем столкнуться. Я стараюсь запомнить даже самые пустячные подробности: мне всё кажется, что Леке не до того.

Хотя у меня тоже не идет из головы король Таргалы. Я вспоминаю его яростный прищур, злой голос, кривую усмешку... вспоминаю, как он велел нашей королеве вытребовать у мужа помощь для него, и в какое бешенство впал, когда она отказалась... я вспоминаю, что сказал Леке отец: о том, что лучше ему не встречаться с дедом. Я думаю: как он мог довести свою страну до такого?! Это же еще постараться надо!

Мы проезжаем села и маленькие городки, мы покупаем кисло-сладкие летние яблоки, парное молоко и теплый хлеб. Нам стоило бы поторопиться, но – так хочется продлить эту поездку. Спокойную, без врагов и засад, сытую и безопасную, по мирной стране... по своей стране.

Но граница с Таргалой приближается – и на дороге уже попадают беженцы. Они идут нам навстречу, и на блеклых, осунувшихся лицах явственно читается страх.

– Те, кто все-таки добрался до наших застав – счастливы, – бурчит Васюра. – Прямой путь слишком опасен. А здесь мы встречаем их добром. Расспрашиваем, подсказываем, где и как проще устроиться. Объявили, что переселенцы три года не будут платить налоги. Сила страны в людях.

– Так нам выгодны их беды? – не выдерживаю я.

– Только полный дурак радуется несчастью соседа. Погоди, Таргала ослабнет вконец – и тогда придет Империя. И нам придется воевать, придется самим захватывать Золотой Полуостров, чтобы не допустить туда Империю. Потому что наша королева – принцесса Таргалы, но еще триста лет назад Таргала была всего лишь одной из ханджарских провинций. И на чьей стороне право?

– На стороне сильного, – вздыхает Лека. – А мы не можем выглядеть слабыми перед Империей.

– Да, мой принц, ты прав. Мы не можем выглядеть слабыми, потому что иначе нас ждет война. А чтобы не показаться слабыми, нам придется воевать. Нет, нам нужна сильная Таргала. Сильная – и свободная. Которая сможет сидеть занозой в глазах Империи – и сопротивляться ей в случае чего. Иначе, ребята, мы бы сто раз уже ее завоевали... уж в последнюю войну – точно.

На выезде из Опадища, крохотной деревеньки, окруженной яблоневыми садами, Лека останавливает молоденькую девушку с ребенком на руках, девчонку совсем, пожалуй, даже младше нас.

– Послушай, – спрашивает, – почему это ты одна?

А я смотрю на нее – и вспоминаю Васюрины рассказы.

Ребенок замотан, верно, в девчонкину юбку – ярко-зеленую в мелкий красный цветок. А сама смотрится сущим чучелом – черный старушечий сарафан, большой, все равно что мешок на себя напялила, рубашка под ним рваная, замызганная – вроде когда-то белой была, а сейчас – травяные пятна, въевшаяся в ткань сажа... коротко остриженные волосы спутались, и цвет не разберешь за бурой дорожной пылью.

– Нас двое, – тихо поправляет девчонка. – Я и малышка. А еще дядька Джок...

– А отец?... – Лека смотрит на ребенка. – А твои родители?

– Не знаю, – со странным равнодушием отвечает девчонка. – Какая разница теперь...

– Оставьте вы ее, – рядом останавливается не то дядька, не то вовсе дедок – щуплый, седой, с бесконечно усталым голосом. – У них деревню сожгли. Родители как раз в лес пошли, хоть чего съестного поискать, да она ждать забоялась. И то, могли ведь и не вернуться. А дитё не ее, соседское. Только они и спаслись, да еще бабка-травница. Девчоночка умница, даст Господь вместе устроиться – дочкой будет.

– А ты кто? – спрашивает Васюра. – Мастер?

– Менестрель я. Был менестрелем... кому это сейчас нужно. Джок меня зовут. Джок-лютником звали, вот только лютня моя сгорела. А новую... не делают их теперь. Не до них, да и некому. Не нужны нынче менестрели, нужны солдаты. Я уж такими тропами шел...

– Таргала собирает ополчение? – Васюра подбирается.

– Да вроде как нет. Кто при деле, тех не трогают. Вот бродяг по дорогам – да, ловят. А куда мне воевать? Мы ведь и к жилью почти что не выходили, все равно ни хлеба, ни воды не дадут... Дочечка уж косу свою купцовою дочке за хлеб продала... ведь какая коса была, загляденье, а она говорит: «Ничего, все равно мешает только, а так хоть малышку покормим»...

– Я боялась, что и сюда не пустят, – произносит вдруг девчонка. – Я ведь в каждый трактир по дороге просилась, хоть кем, лишь бы кормили. Бабу Нику взяли, она травница, баба Ника... а я шла и думала – что, если и сюда не пустят? У нас говорят, что здесь только рады нашим бедам. А я шла и всё думала – здесь ведь королевой наша принцесса, неужели не пустят?...

Ясек ругается сквозь зубы, спрыгивает с коня. Спрашивает у лютниста:

– Наугад идете?

– Да что ж, – Джок вздыхает. – В деревнях-то руки всегда в цене, вот только таких как мы нынче много. Дальше надо идти, а там, глядишь, и повезет.

– У меня мать отсюда недалеко. – Ясек глядит на девчонку, спрашивает: – Звать-то тебя как?

– Стефа... а малышку – Нинелей.

Ясек кивает. Повторяет:

– Мать у меня здесь недалеко. И сестренка, на тебя похожая. Не бросишь их, лютнист?

– Да ты что! Вместе шли... Опять же, девчоночка – умница. Поодиночке давно бы пропали, сгинули бы в гномьих краях, поминай как звали.

– Хорошо, – кивает Ясек. – Сейчас пройдете Опадище и поворачивайте на север. Спрашивайте дорогу к монастырю Ии-Заступницы, никто не удивится, – и Ясек снова кидает быстрый взгляд на Стефу с малышкой Нинелей. – Туда верхом дня два отсюда, прикидывайте сами, за сколько пеши доберетесь. А от монастыря свернете к горам, пройдете сначала деревню монастырскую, потом через реку до кузни, а дальше земля моей матери. Там одна дорога от монастыря, не заплутаете. Спросите госпожу Ядвигу, а ей скажете, что Ясек прислал.

– А до гор там далеко? – спрашивает Джок. Стефа прижимает к себе малышку.

- Это у вас дурак набитый в королях, – бурчит Васюра. – А мы с гномами не воюем.
- Ясек выгребает из кармана горсть серебрушек, сыплет в ладонь менестреля. Снимает с шеи амулет, надевает на Стефу, говорит:
- Носи и не бойся ничего. Поняла, Стешка?
- Девчонка кивает.
- Ясек вскакивает на коня, бросает:
- Привет ей от сына передайте, да скажите – не скоро буду, и писем писать не смогу. Пусть уж не тревожится.
- Я бы тревожилась, – говорит вдруг девчонка. – Нельзя так. Куда хоть едете, откуда вестей ждать?
- Да в Таргалу в вашу, чтоб ей! – Ясек машет рукой. – Ничего, не пропадем!
- Стешка охает. Джок качает головой:
- Зря, ох зря!
- Надо, – выдыхает Лека. – Ничего... вернемся, Господь милостив.
- Трогаем коней... Ясек пару раз оборачивается, машет рукой. Я чешу шрам на скуле, память о степняках. Думаю: как бы Таргала похлеще Степи не оказалась.
- Их никуда не пускали, – задумчиво произносит Васюра. – Они пробирались тайными тропами, потому что лютнист не хотел угодить в солдаты. Нет, ребята, нельзя вам самим ехать. Придется к каравану прибиться, иначе живо вместо университета в ополчении окажетесь... вот только в купцов поздно вас рядить, а просто так в Таргалу сейчас не едут.
- Значит, нанимаемся в охрану, – предлагает Лека.
- Очень даже запросто, – поддерживает Ясек. – Уж наверное, тем купцам, что едут в Корварену, не помешают лишние воины!
- И каждый наш шаг в сторону Таргалы будет оплачен, – киваю я, загоня тревогу поглубже.

4. Ракмаиль, купец из Благословенного Халифата

Наняться охранниками в караван оказалось до смешного просто. Вернулись в Опадище, там на постоялом дворе стояли груженные в дальний путь подводы, – и их хозяин, толстый чернобородый купец, уяснив, что трое окончивших службу воинов собрались ехать в Корварену, вцепился в нас голодным клещом. Не знаю, на какую он рассчитывал прибыль при такой плате за охрану... разве что всерьез полагал, что половину охранничков перебьют по дороге.

Купца звали Ракмаиль, в Опадище он остановился прикупить яблок, а караван вел аж из Халифата. Вез вино, горный мед и сладости – это для голодающей-то страны! Впрочем, Ракмаиль не собирался сбывать свой товар на городском рынке: его ждал королевский управитель.

– Хвала Господу, – усмехается почтенный купец, поглаживая ухоженную черную бороду, – король Золотого Полуострова пока не потерял аппетит, и его придворные тоже кушают по-прежнему.

Кто бы сомневался...

Почтенный Ракмаиль собирается выехать из Опадища с рассветом.

Мы провожаем Васюру до Закатного тракта. Он немного мнетя, вздыхает. Говорит, махнув рукой:

– Удачи вам, ребята!

И посылает Воронка в галоп.

Мы долго смотрим вслед.

Наутро караван трогается в путь. Нам определяют место в середине: под надзором проверенных людей. Впрочем, слишком уж на нас не косятся. Только раз, в первый день, подъехал Тувиль, старший из постоянных охранников, спросил:

– И что вы забыли в той Таргале? Там ведь тоска зеленая, ни тебе гульнуть, ни выпить... Если на заработки, так ведь что заработаете, все и прожрете, при тамошней-то дороговизне.

Таких вопросов мы ждали.

– Наследство, – коротко и словно бы неохотно отвечает Ясек. – По правде сказать, безделица... папаша, жмот, упускать не хочет, а сам поехать побоялся. Ну, мы с ребятами все равно птицы вольные, я и сказал: «Половину нам, тогда смотаемся, утрясем дела».

– И согласился?

– А что ему оставалось, – ухмыляется Ясек. – Других дураков не нашлось.

Дело, видно, насквозь понятное... во всяком случае, больше нас не расспрашивают. Только пошучивают – мол, много ли останется от нашей половины, если пройдемся отметить успех по корваренским кабакам...

Спокойное путешествие кончилось: Ракмаиль хоть и бережет тяжело впряженных битюгов, но все-таки лишнего отдыха не позволяет. Еще бы, каждый день пути – прокорм коней и людей, каждая неделя – дюжина серебрушек на охранников. Почтенный купец умеет считать деньги.

Но при этом – он идет через Волчий перевал, хотя через Вороний можно доехать на две недели быстрее. Конечно, это лишь доказывает его осторожность и благоразумие – у Вороньего рыщут вильчаки, да и Степь недалеко. Но еще – он то и дело отстает от каравана. Расспрашивает беженцев, говорит с трактирщиками, встречаемыми купцами, лошадиными барышниками, с хозяевами пивоварен и маслобоек. Ох непросто этот почтенный купец!

– Васюре бы стукнуть, – шепчет Ясек на ночевках. – Хоть бы на заставе остановился. Этакое шмыгало из виду упускать нельзя.

До предела нагруженные подводы одолели предгорья – и Ракмаиль вовсе забывает о дневных привалах. По вечерам, брюзжа, льет коням на овес какое-то снадобье: для восстановления сил, поясняет нам Тувиль. О людских силах никто не заботится. Парни не протестуют, грызут на ходу сухари, поглядывают вверх. Над тропой висит тревога – словно сверлят спину чьи-то злые глаза, ждут... Даже спокойные, сонные битюги чуют неладное, косятся на лесистый пологий склон, на заросли папоротника и ежевики, беспокойно фыркают.

Ночами спим в пол-уха, отгородясь кругом из наговоренной волосяной веревки. Часовые вглядываются в ночь «глазом совы», Ракмаиль то и дело обходит стоянку, проверяя защитный круг.

Мы с Лекой недоуменно переглядываемся, Ясек открыто пожимает плечами. У нас-то мир с гномами!

– Погодите, – бурчит Ракмаиль, – не были вы за перевалом, вот и хорохоритесь. Еще запроситесь обратно, как увидите, что в той Корварене творится, и на наследство на то плюнете.

К перевалу выезжаем внезапно. Дорога вроде и не сильно в гору идет – но вот поворачиваем за скальный выступ в странных сине-зеленых потеках, и открывается впереди простор Золотого Полуострова. Заросшие лесом горы с проплешинами лужков и полей, нитка-речушка далеко внизу, редкие дымки.

– Запоминайте, запоминайте, – суетится Ракмаиль.

– Что запоминать-то? – спрашивает Ясек.

– Дымы, дубина, – отзывается Тувиль. – Люди тут почти что не живут, а дымят гномьи топки. Стража на заставе за каждый замеченный гномий дым золотой дает!

Тянемся вниз... еще поворот – и ехавший впереди Тувиль осаживает коня перед лежащим посреди тракта огромным валуном. «Что за пакость еще», – бурчит Ракмаиль. Навстречу неторопливо выходит гном. Останавливается прямо перед мордой Тувилева огненного жеребца. На сивобородом корявом лице – жутковатая ухмылка; узловатые пальцы небрежно обхватили широкий ремень; кривые ноги попирают землю с уверенностью хозяина.

Ракмаиль прищипорил своего солнечной масти коня, выезжает вперед.

– Доброго дня тебе, достопочтенный, – кланяется Тувиль.

– Не могу ответить тем же, – гнусаво отвечает гном. – Там, внизу, людские караваны вне права и закона. Напрасно вы туда едете. Сворачивайте лучше к нам, мы заплатим честно за ваш товар.

– Меня ждут в Корварене, – надменно роняет купец. – Я обещал.

– Ну, раз обещал... – Гном оглядывает купца, чуть прищурясь, словно оценивает огранку редкого камня. Ухмыляется: – Э, что с тобой говорить. Ехай уж, раз такое дело. Я тебя предупредил.

Гном отходит в сторону – и вместе с ним исчезает с тракта неподъемный валун, как и не было...

– Благодарствую, – чопорно отвечает Ракмаиль. – Что стали, парни?! Двигаем!

Ночуем на нашей заставе. Ракмаиль отсчитывает пошлину, добавляет пару золотых за постой и корм коням, побряхтев, приплачивает и за ужин для себя и охраны. Подводы выстроились во дворе, за высокой оградой. Парни заваливаются спать сразу после немудрящего ужина. Ясек встретил земляка, шумно радуется – и появляется у нашей подводы только за полночь, хмельной и довольный.

Выезжаем с рассветом. Тракт бежит вниз, ежевичные заросли по обочине тонут в сумерках, поросшие лесом горы впереди скрывает туман, и Ракмаиль заметно нервничает. Ворчит что-то себе под нос, озирается по сторонам, то и дело, привставая на стременах и

почти валясь на шею коню, хватается за подвешенный к уздечке амулет. Покрикивает напряженным полусшепотом: «Смотрите, парни!» – и так всех утомил, что даже Тувиль не выдерживает, отвечает на очередное «смотрите»:

– Хозяин, не заводи ребят, драться плохо будут. Смотрим.

Через пару часов, как раз к началу дня, выезжаем к таргальской заставе.

Ракмаиль еще раз бурчит свое «смотрите» и, прихватив мешочек с золотом, входит в будочку у ворот. Выходит нескоро. Покряхтев, велит сгрузить бочку с вином.

– У них такие законы – или стража внаглую вымогательством промышляет? – тихонько спрашивает Лека.

– Умолкни, – бормочет сквозь зубы Тувиль.

Из будочки выходит стражник, стучит по бочке, делает ручкой: проезжайте, мол. Створки ворот неторопливо ползут в стороны.

– Ясно, – усмехается Лека.

– Двинули, – рявкает Ракмаиль. – Да глядите в оба!

Караван въезжает на землю Таргалы.

5. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Время... я уже потратил его бездумно много на поездку по степи, на неполный месяц пути, в котором ничего не происходило. В этот раз случиться могло что угодно, но Серж убедил меня не задерживаться чрезмерно, и я с ним согласился. Признаться, я почти поверил, что Серый погибнет в этом пути: ни я, ни Серж, ни брат библиотекарь не смогли придумать иной причины тому, что друг и побратим принца Валерия не упоминается ни в одном варианте сказания.

Поэтому я смотрел на путь каравана глазами Леки. И каждый раз перед тем, как погрузиться в видение, напоминал себе: не смотри на рутину, Анже. Ищи события. Но каждый раз в глубине души молил Господа: пусть не станет этим событием гибель Сереги!

Был сожженный мост. Пришлось разгружать телеги и перетаскивать груз через широкое, усыпанное скользкими камнями русло и узкий ручей посреди. С проклятиями поднимать тюки и бочки на обрывистый, заросший ежевикой берег. Сдерживая битюгов, чуть ли не на руках нести опустевшие телеги, обходя валуны, оскальзываясь и кляня все на свете... переправа заняла весь день. И счастье еще, что обошлось без засады на берегу. И без вывихов у оступавшихся на скользких камнях людей. Но день этот так всех измотал, что заснули, не дождавшись горячего ужина, а груз остался лежать кучей до утра, – и в путь отправились, отдохнув, поев и загрузив телеги, ближе к полудню.

Был обвал, перегородивший дорогу, – и половина охранников помогала возчикам растаскивать камни, а другая, скорчившись за повозками, с самострелами наготове ждала нападения. Но, вот странность, – никто не напал. Кажется, даже купец не столько радовался этому, сколько пребывал в тягостном недоумении.

Был не в меру наглый, по мнению Ракмаиля, гном – стоял себе посреди тракта, открыто, не таясь, всунув широкие ладони за кожаный ремень пояса, – ухмыльнулся, услышав: «Не стреляйте покуда», – и сказал:

– Плати, купец. Плати, и мы тебя не тронем, до самой Корварены доедешь спокойно.

– Я уже платил на границе, – буркнул купец, сам отлично понимая, как смешно и жалко звучат эти слова.

– Людям, – без тени смеха уточнил гном. – А здесь – наши угоды. Плати пошлину, честной купец!

– Ладно, – Ракмаиль махнул рукой. – Сколько?

– Половину.

– Чего?!

– Груза, – невозмутимо пояснил гном. – Половину твоего груза.

– Да вы сдурели, уважаемые! Что ж это теперь, из-за вашей дурацкой войны мы не можем торговать?!

– Э, вам ведь предлагали запродать груз, помните? И предупреждали... Нет, не надо! Не пытайтесь развязать бой, почтенный. Или вы хотите попросту провалиться под землю вместе со всем вашим товаром, лошадьми и людьми?

Ракмаиль медленно опустил руку. Переспросил:

– Половину груза?

– Или весь, если удумаете драться. Вместе с вашими жизнями. Или – половину и свободный проезд в Корварену. Я так полагаю, в убыли вы не останетесь.

Ракмаиль отличался редким здравомыслием. Правда, всю дорогу до Корварены он безбожно ругался, – но дорога и в самом деле прошла спокойно, единственным событием после гнома-вымогателя стала встреча с отрядом королевской гвардии в дне пути от столицы.

Лека, Серега и Ясек постарались ничем не выделяться среди других охранников. Что же касается Ракмаиля – купец умудрился повернуть дело так, что гвардейцы проводили караван до самого дворца, а их командир обещал лично доложить королю о размере гномьих дорожных пошлин. Похоже, купец уже рассчитал, как получить выгоду и с привезенного товара, и с того, что остался «в загребущих лапах нелюди».

УЧЕНИЕ – СВЕТ

1. Мишо Серебряная Струна, менестрель

– Принц рос, а дела в стране шли всё хуже. Король посылал против Подземелья рыцарей своих – но рыцари возвращались, не находя пути к врагу. Король разослал по стране гвардию – но гвардия нашла лишь бесславную гибель. И король, не умея найти гномов и дать им решительный бой, начал истреблять своих же подданных, тех, кто учился у гномов и торговал с ними. И Корварена лишилась лучших своих мастеров, и добрый доспех стал так дорог, что мало кто из рыцарей мог достойно снарядиться на битву. Хороший же клинок и вовсе невозможно стало купить, и те счастливы, что владели оружием гномьей работы, берегли его пуще жизни.

Мишо кашлянул. Взял чашку с водой. Поставил обратно. Вздыхнул.

– И год от года жизнь на Золотом Полуострове становилась всё хуже, и страна наводнялась разбойниками и нищими... по правде сказать, святые отцы, это кажется мне удивительным. И война с Подземельем, бесславная для короля Анри, но все же не прекращаемая... и это истребление собственного народа... много лет... будто бы короля снедала страсть, безумная и бестолковая, сжигающая разум и здравый смысл. Я не понимаю... но так было!

– Человек ходит, Господь водит, – вздохнул светлейший отец Николас. – Не нам судить о путях Промысла Вышнего, ибо непознаваемы и неисповедимы... продолжай, сын мой.

– И было так до того дня, когда принц Карел вступил в совершеннолетие. – Мишо отхлебнул-таки воды, вздохнул, на миг задумался. Его жизнерадостное круглое лицо помрачнело, и голос зазвучал глуше. – В тот день, когда возмужавший принц получил из рук отца родовой меч, меч первого вассала и наследника трона, сказал он: «Отец мой король, что за страну оставишь ты мне? Разоренную, обезлюдившую и беззащитную! Ты проигрываешь эту войну, отец мой король! Так разреши мне уладить дело миром». Но король, которого уже тогда называли Грозным, в ответ отрекся от своего сына и первого вассала, от наследника своей короны – отрекся за трусость и малодушие, недостойные будущего короля. Так и объявили глашатаи – в Корварене и по всей Таргале. Принц, в имени которого жила надежда, стал никем. Безродным отщепенцем, человеком без герба и без чести. И только королева Нина, ведьма и провидица, верила в будущее сына и не лишала его права на честь в словах и мыслях своих. Но и она не решалась спорить с королем, защищая сына, – ведь молодой и храбрый воин не пропадет и в изгнании, а что станет с женщиной, если отречется от нее муж? И королева лишь молилась за сына, не зная, чем еще помочь ему.

Мишо замолчал. Отец Николас встал, обвел братию строгим взглядом:

– Лишь в испытаниях познается величие духа, ибо сказано: кого Господь любит, с того и взыскует. Сын мой, Мишо... я никогда не слышал столь полного сказания. Воистину ты не пожалел усилий, сын мой. Однако принято считать, что король отрекся от сына позже...

– Это так, – поклонился Мишо. – Обычно рассказывают, что... Впрочем, я дойду еще до этого. Сейчас же так скажу: не только в Таргале помнят о святом Кареле. Мне пришлось постранствовать, отец мой... Как-то занесла меня судьба аж за Ограничное море, в Ич-Диару, город, в Империи зовущийся Светлая Песня. Там, на ярмарке, разговорился я с одним ханджаром, собратом по ремеслу. Он и рассказал мне, что в хрониках Великой Империи записана история Карела, принца Таргалы, как поучение потомкам и пример стойкости духа. И менестрели Империи изучают ее в числе прочих легенд и сказаний, и рассказывают честной публике, и немало удивляют ею простых людей, ведь в горах Великой Империи давным-давно не живут гномы...

– И ты читал эти хроники, сын мой?

– Нет, светлейший отец... кто б мне разрешил? Однако я попросил нового знакомца рассказать мне эту историю три раза кряду, и запомнил точно, и записал, придя на постоянный двор. По правде сказать, ханджарское сказание уступает нашему, очень уж оно коротко. Но начало его – как раз совершеннолетие принца Карела. Отречение, то, о чем рассказал я. И я подумал, что ведь могло случиться и так...

– Но могло и иначе, – мягко возразил отец Николас. – От хроник Империи я бы не стал ждать беспристрастных суждений. Король Анри Грозный перессорился со всеми соседями... и кто поручится, что история его отречения от сына без малейшего повода к тому – не мстительная ложь?

– Да, – пробормотал Мишо, – повод появится позже.

Ударил колокол, сзывая на вечерние моления.

– На завтра мы ждем продолжения, сын мой! – И светлейший отец Николас простер руку, благословляя смущенного менестреля.

2. Корварена

Рассчитываясь с временными охранниками, Ракмаиль вполне доволен жизнью. Глазки его блестят, толстая ладонь поглаживает бороду – и можно смело биться об заклад, что столь выгодной поездки у него давненько не случалось.

– Я снова приеду в середине осени, а потом – весной, когда установится погода в горах, – говорит он Ясеку. – Если успеете закончить свои дела здесь, возьму вас на обратный путь.

– Благодарствую, – отзывается Ясек. И друзья отправляются на поиски гостиницы.

Столица Таргалы нравится принцу Валерию. Он глазет на стены домов, сложенные из белого известняка и красного кирпича, на черепичные крыши, увенчанные затейливыми флюгерами, на тенистые садики и кованые калитки, на стекло в свинцовых переплетах распахнутых окон – и радуется, что не совсем чужой этому городу.

Впрочем, гостиница разрушает очарование летней Таргалы. Берут там дорого, а кормят скудно, и физиономия хозяина отличается неприятной угрюмостью. Поэтому друзья там не задерживаются. Оставляют вещи, сами, не доверяя пьяному в зюзю конюху, расседывают и кормят коней – и расходятся: Ясек бродить по Таргале просто так, а Лека и Серега – в поисках Университета.

Надо признать, Университет они находят с трудом, хотя бродили вокруг него чуть ли не полдня. Искали-то – здание, а Университет оказывается городком на несколько кварталов, огороженным высокой кирпичной стеной, с воротами, выходящими на улицу Золотой Розы, и с калитками на Конюшенную, Каретную и переулок Веселого Ваганта. Ворота заперты, калитки открыты. Во всяком случае, калитка на Каретную, вросшая в землю, покосившаяся, оплетенная цветущим вьюнком, вряд ли бывала закрытой последние годы.

Огромная площадь с утопающей в кленах часовней посередине поражает странным безлюдьем. Как-то по-другому Лека представлял себе Университет... шумным, суетным... Может, король Анри вовсе его закрыл? А что, очень даже просто, объявил сбор ополчения... вот ведь и на улицах совсем не таклюдно, как в Славышти, а мама рассказывала, что Корварена куда теснее...

– Зайдем, – Серега толкает в бок, показывает на вывеску: кричаще вызолоченный кубок и ядовито-розовый поросенок. – Уж там-то будет хоть кто живой...

И вправду, за полуоткрытой дверью, в остро пропахшем дрянной бормотухой подвальчике, обнаруживается достаточно доказательств того, что Лекины мысли об ополчении по меньшей мере преждевременны. Дюжина или около того вагантов, пьяных в дым, вяло тянут похабную песенку; трое по очереди мечут кости – проигравший подставляет лоб под щелбаны; еще одна компания с гоготом обсуждает какого-то мэтра Клауса, и Лека с некоторым удивлением слышит, что означенный мэтр за некий таинственный «прикорм» освобождает от посещения обязательных лекций. Спрашивать что-либо у этих пьяных рож явно бессмысленно. Серега пожимает плечами и пробирается к трактирщику. Толкует с ним пару минут. Возвращается, широко улыбаясь:

– Все будет даже проще, чем мы думали. Пойдем.

Квартира ректора занимает второй этаж университетского Управления. Друзья переглядываются, Серега поправляет дорожный мешок на плече, и Лека дергает золоченый шнур звонка.

3. О расценках на учебу

– Вот, мэтр Клаус, – бодро докладывает слуга, – новые ваганты к нам в ученье. Аж с закатного побережья. Заходят, молодые люди.

Ректор, неопрятного вида сморщенный старикашка, пребывает в сумеречном состоянии духа, и появление двух новых вагантов немало его удивляет.

– Надо же, – бормочет, шевеля острым носом, – учиться приехали... Видать, хорошо живут у себя на побережье. А что, молодые люди, гномы к вам туда пока не дошли?

– Не видели, – пожимает плечами Лека.

– Опять же, что гномам до рыбы в море, – усмехается Серега. И выкладывает на стол перед ректором огромную копченую камбалу. – А платить мы, уж не взыщите, господин ректор, будем дарами моря. С наличностью ныне ерунда какая-то творится, ну ни на что не хватает! Вот, это вам лично. – И дополняет одуряюще соблазнительную камбалу связкой крупных, с локоть, красноперок, с оттопыренными жабрами, серыми крапинками соли на сухих боках и аппетитно полными икрными брюшками.

– Ученье – свет, – ободряется господин ректор. – Ибо делает нас внимательными к Свету Господню. А что, молодые люди, квартиру вы себе уже нашли? А то сестра моя жаловалась на днях, что дом ее стал слишком пуст с отъездом детей, и не прочь она слышать в нем молодые голоса, пусть даже и помешают они ее покою...

Да, думает Лека, лучшие деньги в этом городе – те, которые съедобные, будь трижды благословенна предусмотрительность Васюры, еще год назад перекупившего поместье с двумя рыбацкими деревеньками недалеко от Готвяни: нынешнюю предполагаемую вотчину двух братьев-вагантов и их бездельника-слуги...

Вечером, распрощавшись с мрачной гостиницей, трое друзей обживают второй этаж просторного дома в переулке Веселого Ваганта. Мадам Урсула, многословная и несколько нервная дама, чем-то неуловимо напоминающая норовистую лошадь, наблюдает за стелющей кровати горничной, не закрывая рта.

– Так вы, значит, с побережья? Хорошо, как хорошо, что братец вспомнил о моей просьбе! Здесь стало слишком тихо. Со мной, знаете ли, жили два моих сына, да еще и жена старшего, хорошая девушка, милая и воспитанная, и ведь на сносях была, когда уехали! Позвали их, вишь... наплели, небось, семь миль до небес! Куда ехать, зачем ехать?! Везде сейчас плохо, а здесь все-таки столица.

– Так уж и везде, – удивляется Серега.

– Видно, на вашем побережье в самом деле гномам искать нечего. Но вот на Готвянь, говорят, пару недель назад напали пираты. И хотя налет отбили, от двух рыболовных шхун, что стояли у причала, остались одни головешки, а заодно и от таможенного склада.

– Готвянь – богатый город, – пожимает плечами Лека, – а мы хоть и недалеко оттуда, но в такой глуши! Ну откуда пиратам знать о каждой деревеньке на побережье? Нет, мадам Урсула, у нас спокойно.

– На тракте, правда, пошаливали, – Серега чешет шрам, – но там уж мы управились.

– А мои-то в Себасту отправились, – вздыхает мадам Урсула. – Портовый город, говорят, купцы, рыба... обещались написать, да что-то молчат. И не знаем, добрались ли. – Мадам Урсула вытирает глаза большим клетчатым платком. – Устраивайтесь, молодые люди, как вам удобно, и спускайтесь вниз. Я чайник поставлю.

4. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Университет – это интересно, думаю я. Не поучиться ли чему вместе с принцем Валерием? Ведь ученье – свет, ибо яснее показывает благодать Света Господня... так говорят и приходские отцы, и монастырские, вот только учат мало, ведь все их время проходит в трудах. А я так хочу коснуться этого света... и, право, что в том плохого? Разве не интересно знать, чему и как учили в Смутные Времена?

5. О дворянской чести и прочей ерунде

– Сегодня, молодые господа, речь у нас пойдет о символике наказания. – Сухонький, маленький, изрядно поседевший, похожий на потрепанную ворону мэтр Рене входит быстрым, молодым шагом, как всегда, начав говорить прямо от дверей, вспрыгивает на кафедру и окидывает аудиторию орлиным взором. – Утихомиривайтесь, господа, а не то я сразу перейду к практике.

Лека и Серега обмениваются недоумевающими взглядами. Даже и название предмета мэтра Рене – «Уложения дворянской чести» – кажется вопиюще неуместным. В их-то возрасте о чести пора знать всё! А уж сегодняшняя тема...

– Когда простолюдин лупит неверную жену, или мастер – ленивого ученика, или трактирщик – вороватого слугу, это понятно и правильно, но нет в этом ни чести, ни благородства. Вы же – благородные господа, и не пристало вам уподобляться черни. – Мэтр Рене пристукивает кончиками пальцев по дубовой кафедре. Как гвоздь вколачивает. – Конечно, благородный господин вправе наказать и жену-изменницу, и нерадивых домочадцев, а, скажем, командир просто-таки обязан расправиться как должно с нарушителем дисциплины. Но вам, любому и каждому из вас, и в гневе надлежит проявлять благородство. – Еще один гвоздь вонзается рядом с первым. – И то наказание, коему подвергнете вы виновного, должно в полной мере подтвердить ваше высокое происхождение. Посему оно обязано: первое – соответствовать как тяжести проступка, так и ситуации, смягчающей либо отягчающей его; второе – учитывать как ваше положение, так и положение наказуемого; третье – выглядеть в глазах очевидцев как необходимым, так и достаточным; четвертое – не оставлять сомнений...

Мэтр Рене все вколачивает пункты-гвозди, и в Леке растет злость. Так бездарно проводить время! И ведь сидит полтора десятка великовозрастных оболтусов, ловят каждое слово, а потом еще и применять начнут! Этакий-то бред! В гневе нет чести, но хладнокровное наказание лишь тогда не будет мерзким, когда оно или назидательно, или милосердно. И что еще нужно знать об этом?!

Лека искоса глядит на Серого. Побратим сидит, уставясь бешеными глазами в стену над головой мэтра Рене. Нет, затея отца с их учебой нравится Леке все меньше и меньше! Уж лучше бы они шатались без дела по Корварене, как Ясек! Кстати, и узнали бы больше, поскольку от лбов-соучеников толку в этом плане ноль. А другие предметы не умнее этого, и зачем молодые дворяне Таргалы протирают штаны в Университете, решительно непонятно! Заняться им, что ли, больше нечем?! Так все равно главный их интерес – замеситься после лекций в «Пьяного поросенка». И это когда в стране война! Тратить время на «Суть Промысла Господнего», «Генеалогию благороднейших родов Таргалы», «Танцы вкупе с этикетом» и эти тупые «Уложения» – ну ведь слов нет, как нелепо!

Правда, есть еще верховая езда, им она хоть и без надобности, но все ж не так тоскливо... а сегодня – первый урок фехтования, поглядим, на что похоже будет... нет, надо, надо прикормить мэтра ректора и добиться свободного посещения! Псу под хвост такую учебу, нечистому в задницу!

Принц Валерий тоскливо смотрит в окно, на подернутые первой желтизной верхушки кленов и острый шпиль университетской часовни. А мэтр Рене все вколачивает в кафедру пункты-гвозди, сноровисто и споро, и принц все больше утверждает в мысли, что они с Серегой заняты чем-то не тем... совсем не тем, чем надо бы.

6. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

И мне тоже становится тоскливо, так тоскливо...

Серебряный волк подмигивает мне фиолетовым глазом. Серега... Нет, ну какие опасности могут быть в Корварене, в Университете?! Мы сами надумали себе страхов. Сергей, побратим будущего короля... да мало ли почему мог он не попасть в хроники?! Вот и похищение маленького Карела туда не попало, и свадьба Юлии...

Серебряный волк с острым аметистовым глазом, почему твой хозяин так близок мне? Чужая жизнь, да... я окунался в нее много раз, но обычно, переживая видение, я чуть-чуть отстранен. Да, чужие мысли – как свои, и чужая боль может свести с ума, но где-то, в самой глубине души, помнишь – «не я». Не я – Юлия, Лека, Карел. Но – я, Серега. Ничьи мысли, воспоминания, чувства не поглощают меня настолько сильно и глубоко... Так что ж я, так и буду бежать от тебя... от себя?...

7. О шпагах и попойках

– А ну, ра-за-брали учебные рапиры и стали в ряд! – В зал для фехтования стремительно врывается одетый в черное худощавый господин, смуглый, длинноусый и горбоносый, с возмутительно короткой, по корваренским меркам, стрижкой. Ханджар, что ли? И по акценту вроде похоже. – Живей, живей! Шевелись, а-бол-тусы, здесь вам не лекция! Ра-авней! Я маэстро Джоли, ваш учитель фехтования. Ты и ты! Сюда! – Длинный палец маэстро тычет поочередно в двух орясин с краю и указывает им на центр зала. – В пазицию! Пасматрю, на что годны, малакасосы!

Эти-то ни на что, думаю я. Достаточно глянуть, как стоят... такая «пазиция» – разве что на девчонок впечатление производить.

Робко дзенькают рапиры.

– Да куда ж ты прешь?! – вопит маэстро. – Да, да, ты, дылда неуклюжая! Не драва колешь!

– Я попросил бы вас выбирать выражения, господин учитель, – вспыхивает «дылда неуклюжая». – Я герцог Эймери, а не какой-то там дровосек.

– Жалаете палучить удовлетворение, герцаг? – ядовито цедит маэстро. – Дать вам баевую шпагу? Или, может, на палашах? Парные даги? Сабли? Что же вы малчите? Научись защищать себя собственной шпагой, Эймери, а уж потом абижайся! И запомните, малакасосы – все вы переда мной равны! Здесь нет ни герцогов, ни принцев, ни безземельных младших сыновей. А есть – неумехи, и я должен их абучить. Кто не понял?

Гробовое молчание воцаряется в зале.

– Все поняли? Прадолжим!

Пара в центре зала снова скрестила клинки – неумело, но старательно. Старательно, но, Свет Господень, как же неумело! И отец еще говорил, что в Таргале хорошие фехтовальщики!

– Хватит. В строй. Две ветряных мельницы, а не фехтавальщики. Ты и ты!

Следующая пара выходит на середину зала.

Эти, мне кажется, половчей. Один проводит простенькую атаку, второй отбивает, делает ответный выпад... первый отмахивается, и я вижу – ошибается. Не ловкость это, а дурацкая самоуверенность...

– В строй... ты и ты!

Атака – защита – контрудар – касание... атака... на клинок... ну что ж он зевает?! Самое ж время выбить...

Маэстро морщится, как от стакана уксуса.

– Сонные мухи. Ты и ты!

Я выхожу в центр зала. Выдыхаю, отгоняю ненужные мысли. Смотрю на противника. Крепкий, плотного сложения парень, полные губы сжаты, глаза прищурены... кого-то он мне напоминает...

– В пазицию... начали!

Выпад-отбил-выпад-уклонился-атаковал... мимо, удар, отбил... так, мне попался стоящий противник... атака-защита-атака-контрудар... кажется, у меня получается... Прочь мысли! Дзеннь, дзеннь, дзззин! Ого! А так?! Дзон-дзон-дзон-дззин!

– Стоп! Харашо. Вы двое что-та можете. В строй. Ты и ты!

Парень отирает пот со лба, улыбается. Кого же он мне напоминает?!

Лека разделяется со своим быстро и красиво. Отбивает неуклюжую атаку, крутит рапиру противника – и она сама вылетает из неумелой руки. Я улыбаюсь. Кровь еще кипит возбуждением схватки... Свет Господень, как же мне нравится! Отец прав, у нас так не фех-

туют. Я вышел против умелого соперника – и справился. Обязательно расскажу отцу, думаю я.

В распахнутое окно врывается удар колокола. Маэстро Джоли окидывает растрепанную шеренгу острым взглядом:

– Время вышла. Я в ужасе. Таких неумех еще не учил. Толку не будет! Что ж, попробую... Ты, ты, ты, ты... и ты. Астаньтесь, вам пару слов скажу. Астальные – праваливайте. Кагда следующий урок? Послезавтра? Вот да послезавтра и праваливайте. Видеть вас тошна, ей-богу.

Никто не пробует задержаться. Кажется, этим лоботрясам так же тошно видеть маэстро Джоли, как ему их... на что они потратили свою жизнь до этого дня, хотел бы я знать! Дворянин, не умеющий шпагу взять, ха! Если они здесь все такие, удивляюсь, как Таргала до сих пор стоит... нет, но ведь отец тоже отсюда! Наверное, это нам с Лекой так несусветно повезло, попали в компанию остолопов, дубин стоеросовых...

Маэстро оглядывает оставшихся.

– Вас, если хатите, буду учить всерьез. Вы можете, толк будет. Залатой с носа за урок.

– Я не могу, – вздыхает парень рядом со мной. – Денег нет.

– Жаль. Ладна... абрашу на тебя внимание на общих уроках. Иди.

– Я тоже пойду, – бурчит другой. – Мне без надобности.

– Как хочешь.

Нас осталось трое – мы с Лекой и парень, с которым я стоял в паре. Маэстро смотрит на него:

– Карел, верна?

– Да, маэстро Джоли. Спасибо. Честно говоря, давно хотел с вами заниматься.

– Пальщен, – насмешливо отзывается маэстро. – А вы?

– Лека.

– Серега.

– Двенадцать Земель?

– Нет, – отвечает Лека. – Мама оттуда, вот и дала родные имена. Да мы ничего, привыкли.

– Хатите начать сегодня?

– Да! – в один голос произносим мы.

Маэстро улыбается:

– У меня свободные два часа с шести. Жду здесь.

В зал входит следующая группа.

– До вечера, маэстро, – говорит Карел. – Пошли, ребята, я угощаю! Клянусь Светом Господним, нам есть что отметить!

– Только не в «Пьяного поросенка»! – отзывается Лека.

– Вот еще, в эту дыру, – усмехается Карел. – Нет, нас ждет «Веселый вагант»!

– Живей, живей! – доносится из-за закрытых дверей зала ехидный голос маэстро Джоли. – Шевелись, аболтусы, здесь вам не лекция!

– Вы даже не представляете, как нам повезло, – продолжает Карел. – Я уже два года мечтал устроиться учеником к маэстро, но вы ведь слышали его: не важно, кто ты, важно, что ты можешь. А я от природы не слишком ловок.

– Тренировался? – одобрительно спрашивает Лека.

– Ох, еще как! – Карел смеется. Смех его, пожалуй, резок – но заразителен. – А ты, парень, молодец! Серега, да? Честно, мне понравилось!

– Мне тоже. Я ведь первый раз так выложился. Даже не думал, что так могу! Не знаю, Карел, каков ты от природы, но меня заставил из шкуры вывернуться, серьезно тебе говорю!

– А то ты меня не заставил, – снова смеется Карел.

Мы выходим в калитку на Веселого Ваганта – и Карел кивает на вывеску через два дома: огромная кружка с пенным элем поверх толстой закрытой книги.

– Значит, так: это самое приличное заведение в окрестностях Университета, здесь можно напиться, но не принято буяннить. Предупреждаю сразу, потому что единожды отличившихся второй раз сюда попросту не пустят. Мне было бы несказанно жаль потерять доверие здешнего хозяина.

– Поняли, – отвечает Лека. – По чести сказать, я на все готов, лишь бы не пришлось снова переться в «Пьяного поросенка».

«Веселый вагант» и вправду выглядит приличным заведением. Чисто, никакого тебе дыма, вони, копоты... аромат жаркого, белобрысая девчушка-хохотушка снует с подносом, разносит эль, отшучивается от назойливых ухажеров.

– Мой любимый столик, – Карел машет рукой, показывая куда-то в полутемный угол. – Как всегда, свободен. Мари, солнышко, приветствую! Три эля! И перекусить, пожалуй.

– Жаркое? Баранье, с чесноком, – Мари кокетливо улыбается – всем сразу и никому в отдельности.

– Жаркое? – переспрашивает Карел. – Честно говоря, я голоден, как... как свора голодных псов, не меньше!

– Еще бы, – ухмыляется Лека.

Девчонка кивает и убегает на кухню. Очень скоро на столе перед нами красуются три глубокие тарелки, остро пахнущие бараниной и чесноком, три кружки с элем, блюдо с сыром и хлебом.

– Недурно, – бормочет Лека.

– А то! Я же говорил, приличное заведение! – Карел отхлебывает эля и принимается за жаркое. Мы с Лекой и не думаем отставать – тем более, и эль, и жаркое в самом деле оказываются очень даже недурны.

– Карел, как ты считаешь, – Лека отодвигает в сторону полупустую кружку – третью, – и окидывает одобрительным взглядом не то остатки сыра, не то пробежавшую мимо хохотушку. – Удачу надо ловить за хвост?

– А то!

– Тогда предлагаю вот что. К Нечистому в задницу дурацкие «Уложения», побоку генеалогию... и танцы тоже туда же. Маэстро, думаю, только рад будет встречаться с нами каждый день, а я считаю, что учебные часы надо занять тем, чему в самом деле хочешь научиться.

– Заниматься фехтованием днем, – Карел допивает свой эль, вскидывает над головой руку и звонко щелкает пальцами: – Повтори, детка! Хорошая мысль, да... только Рене – та еще сволочь, настучит ректору... Я-то отверчусь, а вам несдобровать.

– Нам? – переспрашивает Лека. – Нам несдобровать? Ха! В гробу я видал твоего Рене вместе с его «Уложениями». Так по рукам?

– По рукам, – решительно подтверждает Карел. Кого же он мне напоминает? – Правда, ну ее к Нечистому, такую учебу. Раньше еще законоведение было, математика, морское дело, история, торговля, управление хозяйством... все разваливается, и Университет тоже. Приличные наставники давно разбежались. Жаль, что я не родился лет на десять раньше. А лучше на двадцать.

ТРИ ДРУГА, ТРИ ВАГАНТА

1. Мишо Серебряная Струна, менестрель

– Я помню вчерашний наш разговор, светлейший отец Николас, – Мишо Серебряная Струна на миг склоняет голову, – но все-таки хочу довести до конца то сказание, что услышал в Ич-Диаре. Хотя бы потому, что приблизился к той поре жизни принца Карела, о которой всяк говорит по-своему, и не узнать уже, где правда, а где домыслы.

Отец Николас, улыбнувшись, кивает.

– Между тем, – кашлянув, начинает менестрель, – Карел не покинул родную страну, как думал король. Ведь в душе своей оставался он вассалом отца своего и будущим королем. И он отправился странствовать по Таргале в поисках пути спасения для нее. И те беды, что видел он, и разоренные деревни, и опустелые поместья, и разбойники, от коих приходилось ему отбиваться, лишь укрепляли его в помыслах о мире с Подземельем. Но настал день, когда переполнилась чаша горестей в душе Карела, и понял он, что мало толку в благих помыслах, пока дела не подкрепляют их. В тот день Карел стал искать встречи с врагами отца своего.

Мишо обводит глазами притихшую братию. Все здесь знали сказание о святом Кареле, все уже поняли, к чему ведет неторопливое повествование лучший менестрель Золотого Полуострова. Как раз к тому, о чем всяк в Таргале говорит по-своему... и как же повернет дело Серебряная Струна? В такие минуты Мишо вполне осознает свою власть!

– Однако другая встреча была ему суждена. Случилось так, что сначала принц столкнулся на горной дороге, в опустошенных войною краях, с родичем, сыном Марготы, сводной своей сестры, королевы Двенадцати Земель. Принц Валерий ехал с посольством в Корварену – и в предгорьях, у горы Зеленчаковой, повстречал одинокого путника, бредущего из последних сил, потерявшего коня, измученного незажившими ранами.

Мишо улыбается.

– Впрочем, некоторые менестрели Полуострова утверждают, что Карел просто поехал встречать посольство. А кое-кто считает, что и посольство, и Карел встретились уже в Подземелье. Как знать? Важно одно: они все-таки встретились...

Менестрель отхлебывает и продолжает:

– Они были очень разные, два родича-принца. Карел унаследовал могучую статью отца, его пристальный взгляд и злую усмешку, и нравом обладал столь же горячим и неистовым. А Валерий, сын Марготы и внук Лютого, был легок в кости, хоть и силен, – и на мир смотрел с открытой и ясной улыбкой. Если позволено мне будет сравнение, скажу так: Карел напоминал то скалу, то яростное пламя, Валерий же – быстрый веселый ручей. Но одним оказались они схожи – благородством помыслов и поступков, и безудержной отвагой, и воинским мастерством. И эта схожесть свела двух принцев в миг опасности и сдружила до конца их дней.

Брат Серж смотрит на Анже. Парень сидит среди послушников и слушает на первый взгляд с тем же внимательным благоговением, что и остальные, – но глаза его насмешливо щурятся, а губы дрожат в тщетных попытках удержать улыбку.

2. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Вовсе не так они встретились, думаю я. Не так красиво и героически, как рассказывают менестрели... просто и буднично. Самым обычным образом, как и пристало молодым парням. И Валерий не с посольством, и Карел не в изгнании. Вместе фехтуют, вместе пьют. Еще, пожалуй, по девкам вместе отправятся.

Я понимаю вдруг, что завидую им. Их свободе, шпаге в руке, великим делам впереди. И пусть грешно это, завидовать, — но я совсем не стыжусь. Их жизнь имела смысл... не зря ведь помнят о ней спустя столько лет. А кто вспомнит обо мне?

3. Осенняя Корварена

Идут дни, похожие один на другой, как дождевые капли. Лека и Серега не ходят больше ни на лекции мэтра Рене, ни на уроки танцев. Утром отправляются бродить по Корварене с Ясеком, к обеду идут в Университет – на урок маэстро Джоли. Два часа работы шпагой, посиделки в «Веселом ваганте» с Карелом, вечер... впрочем, об этом лучше не надо.

Однажды Корварена расцветает флагами с королевским гербом, в Университете отменяют занятия, и на перекрестки выкатывают бочки с вином из королевских подвалов: король Анри вручает принцу Карелу меч наследника и первого вассала и объявляет о его помолвке. Совершеннолетие наследника трона случается не каждый день и даже не каждый год; и Корварена добросовестно гудит с утра до поздней ночи. В тот день Ясек встречается с Васюриным связным и приносит пачку писем. Леке – от отца, Сереге – от матери и сестры, Ясеку – от матери и, как ни странно, Стешки. Письма читают и перечитывают почти целый день. Потом обмениваются новостями, потом идут бродить по пьяному насквозь городу, спускаются на набережную, смотрят на золотую от закатного солнца Реньяну и говорят о Славышти.

На следующий день с Карелом встречаются не у маэстро, как обычно, а на улице Яблонь, где-то за час до занятий. Он бредет, хмуро глядя под ноги, почему-то в форменном гвардейском берете, лиловом с бело-фиолетовым кантом, и сам весь бледный до лиловости, до странности мятый, с опухшими глазами, настолько непохожий на себя обычного, что Серый насмешливо свистит, а Лека сочувственно спрашивает:

– Напраздновался, что ль?

– Ненавижу, – стонет Карел. – Свет Господень, ну кто придумал эти праздники... Посольства, гости, речи, посвящения... Убил бы! У меня ж руки трясутся, я не то что шпагу, вилку не удержу! Я ж даже не поспал...

– Стой, стой, стой... Карел! Так это ты, выходит, принц?

– А ты не знал? – Карел останавливается и смотрит на Леку со странным выражением робкого счастья в опухших глазах.

– А откуда б я знал? – разводит руками Лека. – Никто мне, извини, не доложил, с кем я пьянствую!

– Ну, прости, – Карел ехидно фыркает, и все трое дружно хохочут.

– Умойся, – советует Серега. – А лучше – в Реньяну окунись. С головой. Серьезно тебе говорю. Знаешь, как сразу взбодриться?

– Бр-р-р, – Карел ежится. Растирает ладонями лицо. – Хотел бы я знать, хоть один кабак открыт в такую рань, после вчерашнего разгула?

– Дома не мог?

– Да я сбежал, даже завтрака не дождался... А давайте в самом деле к Реньяне спустимся?

– Ну-ну, – усмехается Серега.

Реньяна, сморщенная холодным утренним ветром, стыло-серая, желания купаться не вызывает. Карел спускается к воде, долго плещет себе в лицо, фыркает. Вытирается беретом, буркнув под нос:

– А, плевать...

– Ну, теперь ты выглядишь малость получше, – заявляет Лека. – Тяжелое дело праздники. Сочувствую. Давай постучимся к «Веселому ваганту», авось постоянным посетителям не откажет в раннем завтраке.

С того дня, я вижу, Карел совсем по-другому смотрит на своих товарищей по урокам фехтования. Бывает, бродит вместе с ними по Корварене, рассказывая что-то, показывая

любимые уголки столицы. И вечерние похождения трех вагантов все чаще бывают общими. Пожалуй, только теперь их отношения становятся похожи на настоящую дружбу.

Непохоже, что до этих дней были у принца Карела друзья... уж очень внове оказывается для него все, что несет простая, без всяких задних мыслей приязнь. И то сказать, сокурсники его никак не походят на людей, с которыми приятно общаться чистому душой человеку...

На компанию, каждый день с шумом идущую в «Пьяного поросенка», Карел смотрит с откровенной брезгливостью. Как-то выцедил сквозь зубы:

– Ворье... падалышки. Тянут последнее из своих вассалов, гребут все, до чего могут безнаказанно дотянуться, – и ради чего? Ужраться до поросячьего визга и пойти по девкам. И плевать, что будет завтра или через год...

Флер войны висит над столицей короля Анри. В упадке пребывает не только Университет... можно даже сказать – не столько.

В оружейных рядах торгуют дрянными ножами. Заезжий купец-ханджар, окруженный любопытствующими, ломит за степной булат совершенно запредельную цену. С обиходным товаром, на первый взгляд, дело обстоит лучше – но мадам Урсула как-то говорит, что такой посуды, как раньше, сейчас не найдешь и днем с огнем.

Хлебный рынок удручает пустотой. Загоны для скота так давно стоят пустыми, что даже запахи выветрился.

– Откуда трактирщики берут продукты? – удивляется однажды Серега.

– Кто-то ездит по деревням, – пожимает плечами Карел. – Кто на купцов надеется. А сколько их попросту закрылись, ты знаешь? Люди не живут... они ждут худшего и гадают, какой будет зима. Я помню, что за карнавалы устраивались в Корварене на осеннее равноденствие... Последний был пять лет назад, но уже тогда я понял – что-то случилось в мире, потому что тот карнавал ни в какое сравнение не шел с прежними.

Я перебираю дни осени, отыскивая важное. Я слушаю обрывки разговоров: о Таргале, о гномах, о безнадежно проигранной войне... Да, принц Карел считал войну проигранной. И уж ему-то было не все равно, что станет с Таргалой завтра или через год!

– Этой весной нам надо ждать еще одной войны, – мрачно говорит он. – Нас придут завоевывать, а мы не сможем защищаться! Да и не станем. Тем, кто переживет эту зиму, будет все равно. Двенадцать Земель или Великая Империя... Может, даже Ольв, если наберется наглости. Видит Господь, сил у него хватит... много ли на нас нужно теперь.

Лека слушает хмуро. Ему хочется открыться... Он ценит дружбу Карела и предвидит неприятный разговор, когда тот узнает правду. Тем более, что Карел прав... во всем прав.

4. Карел, наследный принц Таргалы

Утро обещало славный солнечный денек, и вот поди ж ты... Разгоряченные двухчасовым уроком маэстро Джоли, мы высовываемся на улицу – и шарахаемся от проливного дождя и ледящего ветра.

Подходит маэстро, фыркает сердитым котом.

– Адалжить плащи, парни?

– Хорошо бы, – клацая зубами, отвечает Карел.

– Ну так пашли.

Впервые мы входим в комнату маэстро за фехтовальным залом. Я мельком, скрывая невежливое любопытство, оглядываюсь.

Стол, простые деревянные стулья, огромный шкаф, железная печка... оружие – в стойках, по стенам, даже на столе.

– Тепло, – блаженно выдыхает Карел, подходя к печке.

– Любишь пагреться?

– Еще как.

Лека подходит к столу. Говорит:

– Какой жестокий кинжал.

Вслед за ним я осторожно трогаю необычно зазубренный край аспидно-черного клинка.

– Нож клановаго убийцы, – бурчит маэстро. – В самом деле чуть не стоил мне жизни. Нарочно не убираю далеко – хорошее напоминание.

– О чем?!

– Аб астарожности. Я тагда сапляком был... думал, недостойно мастера клинка ази-раться по сторонам, даже если точна знаешь, что нападут. Между прочим, ка мне вчера мэтр Рене падхадил. Пагаварить.

– Обо мне? – оглядывается от печки Карел. – Чего это принц вместо его уложений искусство боя изучает? Маэстро Джоли, вы не догадались отправить его жаловаться сразу королю?

– Я ему предложил выяснить, кто прав, исходя из его же уложений, – скалится маэстро. – И даже уступил выбар аружия. Но он саслался на разницу в возрасте и ломоту в костях.

Мы дружно хохочем.

– Так его, – стонет Карел.

В дверь заглядывает кто-то из старшекурсников:

– Маэстро Джоли, мы пришли.

– Сейчас. – Маэстро ныряет в шкаф, вытягивает три плотных плаща с капюшонами. – Ладна, парни, берите и да завтра.

– Спасибо, маэстро! – Карел накидывает плащ и вдруг хмурится. – Да, если вдруг мэтр Рене возникнет еще раз, прошу, скажите мне! Я ему, заразе, так о себе напому...

Теперь непогода беснуется напрасно.

– Благословенна будь запасливость маэстро, – смеется Лека, подставляя лицо дождю. – И теплый кров «Веселого ваганта», крошка Мари, горячее жаркое... Пожалуй, нам надо поторопиться!

Из «Ваганта» уходим нескоро. Очень уж неохота брести домой сквозь непогоду, очень уж уютно горели здесь свечи, и эль сегодня казался особенно вкусным. Но, может быть, мы зря засиделись.

Дождь все так же хлещет наотмашь, и ветер так же рвет плащи, но теперь к непогоде прибавилась сумрачная мгла слишком быстро наступившего вечера. Нам-то с Лекой хорошо, думаю я, а вот Карелу топать и топать... Мы останавливаемся у дверей дома мадам Урсулы.

– До завтра, – отвернув лицо от ливня, прощается Карел.

– Не хочешь коня взять? – предлагает Лека.

– Дойду, – отмахивается Карел.

Уже через какой-то десяток шагов его плотная фигура растворяется в прошитых дождем сумерках. Лека берется за дверной молоток и говорит:

– Непокойно мне, Серый. Кошки душу дерут. Зря мы его отпустили.

Я смотрю вслед Карелу... Где же он? Будь дело в Славышти, я поднял бы Леку на смех. Но Корварена...

– Знаешь, – говорю, – лучшее, что можем мы сделать сейчас, – пойти следом. Но сначала забеги домой и возьми амулеты. А я постою здесь... послушаю. Этот город, Лека... Не знаю, что тебе в нем нравится! Меня он тревожит, и только.

Лека кивает и колотит в дверь.

Через пару минут мы бежим вдогонку Карелу. Мгла сгустилась, кажется, еще больше, – но теперь, с «глазом совы», мы прекрасно видим каждую щель в булыжной мостовой, каждую трещинку в кладке стен... даже – каждую каплю дождя. И, вывернув из переулка на улицу Яблонь, сразу видим вдалеке Карела.

Он идет против ветра, пригнувшись и придерживая капюшон... На какой-то миг моя тревога и Лекины дерущие душу кошки кажутся в самом деле смешными. И тут Лека, вскрикнув, рвется вперед: поперек дороги перед Карелом возникают низкие коренастые силуэты.

Карел не сразу их замечает. Проходит еще несколько шагов. Останавливается. Пятится, рвет из ножен шпагу...

Не чуя ног, оскальзываясь, я все-таки удивляюсь – в который раз! – его шпаге. Уже видны все детали схватки: лица напавших... Это вот и есть – гномы?! Но постойте, те, которых видели мы в дороге, не слишком-то похожи на этих! Широкие ладони сжимают не то длинные топоры, не то короткие алебарды... сеть... сеть?! Что ж они, живьем хотят?! Но шпага Карела, Тень, оправдывает свое имя. Даже «глазом совы» ее почти невозможно разглядеть. Смазанная полоска тьмы, тень в тени, оружие бретера и авантюриста, но не принца... Вот она разрубила сеть, ушла из-под удара гномьего... как, кстати, эта штука называется?

– Карел, сзади! – ору я. Лека молча наддает. Нам чуть-чуть осталось, совсем чуть-чуть... Карел прыгает вбок, оступает... как он мог оступить?! Снова Тень встречается с сетью... Ближний к Карелу гном подсекает длинным древком ноги принца, и... Карел летит в одну сторону, Тень – в другую... Взметнулась над упавшим сеть... Лека хватается за нее, рвет на себя, встречает шпагой дернувшегося вперед гнома. Становится над Карелом, давая ему время подняться. Я иду по кругу, выюном, не задерживаясь ради схватки с кем-то одним, отвлекая внимание, опасаясь скрещивать шпагу с широкими лезвиями знаменитой гномьей стали, но успевая – прах меня забери, успеваю! – чиркнуть кончиком клинка то руку, то оскаленную страшную рожу, а то и горло. Не ахти какие вояки из этих подземельных... видно, другим сильны, раз Анри до сих пор их не раздавил!

И только я так думаю – странное оцепенение начинает сковывать руки. Неменьют пальцы, ладонь сжимает эфес, но не чувствует его... Гномьи чары? Ох, как я испугался!..

Но я ведь вижу – вижу и шпагу в своей руке, и подходящие цели для удара! – и если поначалу я бил, лишь бы попасть, создавая кутерьму и сутолоку, то теперь – начинаю убивать.

Леденя от страха, понимая – не выстоим... их ведь еще десятка два, откуда только понабежали... и они расступаются, перестают лезть в ближний бой, а оцепенение все силь-

ней, руки наливаются тяжестью, легкий – легкий?! – кожаный колет не дает вздохнуть, плащ давит на плечи каменной плитой...

Грохочут копыта, и голос Карела: «Сюда, сюда! Ко мне!» У него длинный кинжал в руке, стоят с Лекой спина к спине... гномы невесть как исчезают, словно растворяются в каменной кладке монастырской стены, и подоспевшие гвардейцы видят только нас троих. И – трупы. С десятков, пожалуй, убитых подземельных. Вот и ладно, не плащом же маэстро клинок обтирать...

Оцепенение проходит. Вдыхаю полной грудью дождь и студеной ветер, разжимаю побелевшие пальцы. Шпага вползает в ножны неохотно. Ну да – первое ее настоящее дело...

– Мой принц! Вы целы?

– Вроде да. Вы вовремя, лейтенант. Лека, Серега... как вы-то здесь оказались?!

– Скажи спасибо его кошкам, – киваю на Леку.

– Каким кошкам? – растерянно переспрашивает Карел.

– А тем, что душу ему драть начали. – Я глупо улыбаюсь. Напряжение неравного боя выходит дрожью. Вот вам Корварена – шкатулка с двойным дном, город, источенный гномьими ходами... Откуда ждать нападения в другой раз?

Гвардейцы обшаривают улицу, чуть ли не носами водят по стене... Карел подбирает Тень, шепчет:

– Цела, моя хорошая!..

Мир, казавшийся цельным во время схватки, распадается на кусочки, разрозненные, но вполне реальные: Лека, все еще сжимающий шпагу, с обрывком сети в левой руке; темная лужа под гномьим трупом; дождь, нудный и равнодушный; конь, фыркающий, переступает копытами; глаза Карела под сползшим на лоб беретом: «Если б не вы...»

Острый взгляд лейтенанта и его чуть дрожащий голос:

– Думаю, мой принц, вам стоит пригласить своих друзей во дворец. Как ни крути, а без их помощи...

И – почти беззвучный шепот Леки:

– Влипли!

5. Королева Нина

– Они могли убить меня... успели бы запросто. Но эти сети... – Карела трясет. Да, по чести говоря, и не только его! – Сэр Оливер, они хотели захватить в плен принца Таргалы! Боже мой, представляю, что сказал бы отец!

– Боюсь, не представляешь, – бурчит в седые усы капитан королевских гвардейцев. – Боюсь, и я не представляю...

Широкая парадная лестница устлана ковром поверх искрящегося мрамора, наши быстрые шаги почти не слышны. Странно, но во дворце тоже – малоллюдно. Собственно, пока нам не встретилось ни души, кроме дежурных гвардейцев. Впрочем, время позднее...

– Клянусь Светом Господним, если б не Лека с Серегой да матушкин амулет, вам бы и представлять не пришлось!

– Уж это точно... узнал бы доподлинно.

– А что за амулет? – спрашивает Лека.

– Охранительный, специально от гномьего колдовства. Сюда... – Карел сворачивает в открывающийся с площадки небольшой зальчик, открывает упрямую за тяжелой бархатной портьерой дверь и пропускает нас вперед. – Ну вот, теперь вы мои гости. Располагайтесь. – Мокрый плащ летит на пол, Карел выдергивает из-под ворота шнурок – серебро и изумруды, немного похоже на тот шнурок, что прячется сейчас под рукавом Лекиного камзола. – Мне матушка сделала, давно уже. А то б, пока вы прибежали, меня как раз бы уволочь успели. Ты разве не почуял гномьи чары?

– Нет, – растерянно отвечает Лека.

– Я почуял... – Меня пробирает запоздалая дрожь. – Еще как почуял, прах меня заberi! Страшная штука. Еще немного, и я бы просто сдох на месте...

Слуга в цветах короны – незаметная тень – уносит плащи. Другой – тише привидения – ставит на стол тяжело нагруженный поднос. Запах – слюнки текут. Третий расставляет стеклянные бокалы, распечатывает бутыль. Честно говоря, это беззвучное мельтешение действует на нервы.

– Все свободны, – резко кидает Карел. Берет бутыль, разливает на четверых знаменитое «имперское розовое». Рука его подрагивает.

– Ребята... Серега, Лека... спасибо.

Пьем. Терпкое, сладкое с горчинкой... огонь и брызги, полуденное солнце и утренний ветер. Дрожь отпускает. Зато наваливается отодвинутая до поры усталость. Уютные у Карела кресла, здесь бы и заснул...

– Как это было? – Сэр Оливер подается вперед. – Что ты чувствовал, парень?

– Руки онемели... Я шпагу даже не ощущал, бьюсь – а как будто не я бьюсь. Будто я в камень превращаюсь... – Меня передергивает, даже вспоминать жутко, только думаю: нет, вовремя помощь подоспела, ох как вовремя!

– Да... – Капитан горбится, опускает глаза. – Карел, мальчик мой, ты прав... они хотели захватить вас. Не сдох бы ты, парень. Просто двигаться бы не смог, и повязали б тебя как миленького. Ты гляди, какие... Свет Господень, ведь на лету сообразили!

– Что? – спрашивает Карел.

– Не понимаешь? Мальчик мой, неужели ты глупей нелюди подземельной? Подумай! Им не просто принц нужен был. Тех, кто пришел тебе на помощь, они тоже решили взять живьем.

Лека присвистывает.

– А, ты понял?

– Да что?! – кричит Карел.

– Орудие давления, – объясняет Лека. – Им нужно что-то от тебя. Чего-то добиться. Человек, который зовет принца по имени, может оказаться хорошим подспорьем, когда этого принца надо принудить... да все равно, к чему.

Карел ругается. Витиевато, красиво и зло. Я аж заслушиваюсь: не подозревал за ним таких талантов.

Вбегает королева, и мы спешим встать. Белая, как первый снег, тонкая, как ветка ивы... молодая и красивая настолько, что не в матери бы ее Карелу, а в невесты – но я сразу почему-то понимаю: мать...

– Карел, сын мой! Ты жив, хвала Господу!

– Матушка! – Карел улыбается. Не привычной мне уже кривоватой, то ироничной, то злой ухмылкой, унаследованной от Грозного, а мягко и нежно. – Матушка, вот мои друзья. По чести, это их прежде всего надлежит благодарить: они подросли мне на помощь в тот миг, когда я был обезоружен и повержен. Матушка, знакомьтесь: Лека, Серега.

Мы глубоко кланяемся. Королева расцветает улыбкой:

– Право же, Карел, ты мог бы познакомить нас и раньше! Я рада, молодые люди, что у моего сына появились друзья. Чем я могу отблагодарить за его спасение?

– Дружба не требует наград, моя госпожа, – снова кланяется Лека. Я спешу повторить поклон. Прямой взгляд королевы тревожит меня, и я вздыхаю свободнее, когда ее внимание вновь обращается к сыну.

– Я ждала тебя раньше, Карел. Твой отец уехал в Готвянь.

– Без меня?! Мы ведь хотели...

– Я помню. Он велел передать, что ждет тебя там через десять дней. И знаешь, Карел... – взгляд королевы скользит по нашим лицам, и я снова холодею: ну как узнает?! – пригласи друзей с собой.

– Хороший совет, матушка, – снова улыбается Карел. – Ты разрешишь им сегодня переночевать у меня?

– Карел! Что за глупый вопрос! Неужели я бы отказала? Да я бы с ума сошла от беспокойства, вздумай они сейчас возвращаться домой...

– Мои комнаты защищены от гномов, – вполголоса объясняет Карел, когда королева вышла. – Матушка не любит зря волноваться.

ГОТВЯНЬ, КОРОННЫЙ ГОРОД

1. Карел, наследный принц Таргалы

– Отец подарил его мне в последний день рождения, – говорит Карел. – Подарочек с подвохом, надо признать! Приморский торговый город... Всю весну и все лето я пытался разобраться, что здесь к чему, и знали б вы, как рад был сбежать в университет. Лучше бы чего попроще подарил, честно говоря. Вот хоть коня.

– Проба сил в правлении? – улыбается Лека, сдерживая Барса, чтобы держался вровень с гнедым Карела. Наши кони рвутся вперед: видно, мерный шаг привычных к строю гвардейских великанов им не по нраву.

– Можно подумать, от меня на самом деле хоть что-то зависит, – неприкрытая горечь сквозит в голосе Карела. – Угроздило родиться принцем!

Я замечаю мимолетную усмешку Леки и думаю: интересное воспитание получает наследный принц Таргалы! В восемнадцать лет – ни опыта правления, ни воинской службы за плечами. И даже чести учиться у маэстро Джоли добился сам. Можно подумать, Грозному все равно, каким вырастет его единственный сын!

И еще я думаю, что Лека со стыда бы сгорел, вздумай кто отрядить два десятка гвардейцев для его охраны. Правда, у нас нет войны, и на дорогах спокойно; хотя и патрули встречаются чаще, чем здесь...

Передовой десяток придерживает коней у постоянного двора.

– Переночуем здесь, мой принц? – спрашивает лейтенант... По мне, вопрос больше похож на приказ! Вот ей-богу, я бы из вредности велел ехать дальше!

– На ваше усмотрение, – отвечает Карел.

Мы спешиваемся, алый закат бьет в глаза, и я думаю: моя вредность была бы не ко времени!

– Устал как собака, – вполголоса, только для нас, признается Карел. – День верхом, не шуточки!

– Меньше надо на лекциях штаны просиживать, – хмыкает Лека. – И коня из стойла выводить каждый день, а не два раза в год.

О чем ты говоришь, думаю я. Ведь у бедняги Карела даже коня своего нет! Красавец гнедой – из гвардейской конюшни, такое же приложение к нынешнему статусу первого вассала и наследника, как форменный берет... как два десятка охраны в дороге!

– Хорошо бы, – вздыхает Карел. – Боже мой, какую битву я выдержал из-за этой сволочи Рене... Первый раз в жизни набрался наглости просить отца – и, Свет Господень, знали б вы, чего пришлось наобещать взамен!

Трактирщик лебезит перед лейтенантом: «чего изволят ваши милости», «сию минуту» и «самое лучшее, только для ваших милостей» сыплется из него, как горох из дырявого мешка. Карел оглядывает мрачным взглядом тесный зал, чуть заметно пожимает плечами и садится за дальний от входа столик. Вытягивает ноги, страдальчески вздыхает. Кивает поднесшей вино служанке:

– Благодарю.

Отхлебывает. Кривится. Бормочет:

– Если бы не эта дурацкая война...

И остаток вечера угрюмо молчит.

2. Готвянь встречает господина

Со стен воют дурными голосами трубы, и по шпилью ратушной башни ползет рывками вверх фиолетово-белый флаг. Карел выступает во главе отряда, два десятка гвардейцев из охранения превращаются в почетный эскорт. Мы с Лекой отстаем. После дня ожесточенных споров Карел согласился-таки, чтобы мы въехали в его город неофициально. Договорились встретиться у ратуши завтра утром.

– Если сможешь, – уточнил Лека. – Представляю, сколько на тебя навалят!

– Отобьюсь, – мрачно пообещал Карел.

От самых ворот мы ведем коней в поводу, и отряд с принцем во главе все удаляется, а вместе с ним – нестройные приветственные возгласы, какофония труб, перешептывания: «Принц! Принц!»

– Да, – говорит Лека. – Сказать по чести, я ему не завидую. Вот уж точно, угораздило!

– Побродим? – предлагаю я. По первому взгляду Готвянь мне нравится. Вроде и схожа она с Корвареной: те же белые стены, острые черепичные крыши, булыжник мостовой, усыпанный золотом кленовой листвы, но – неуловимо другая. Может, все дело в ветре? Он здесь резкий, холодный – и пахнет чем-то невероятно свежим, бодрым, и в то же время затхлым... море?

– Интересно, в какой стороне море? – спрашивает Лека. – До ужаса любопытно глянуть, на что похоже! Серый, вот скажи, как это нас угораздило за всю жизнь ни разу не увидеть моря?!

Я хватаю за плечо бегущего мимо мальчишку:

– Малый, к морю куда?

– Там, – машет он рукой. Вывернулся и мчится дальше, туда, где вопят трубы, встречая принца. А мы медленно идем вниз по узкой улочке, навстречу непривычно свежему ветру.

Старик вслушивается в далекие трубы с чуть заметной горькой ухмылкой. Он стоит на пороге трактира, и его острый, совсем не стариковский взгляд скользит по мне, бежит дальше – и возвращается. Мы с Лекой приостанавливаемся, разглядывая вывеску – клыкастую, увенчанную гребнем змеиную голову, вздымающуюся из волн. Очень уж живой она выглядит, будто художник не просто видел зверюгу собственными глазами, но и удирал от ее зубов – и удрал, верно, чудом.

Старик шагает нам навстречу, стягивая мятый берет.

– И подумать только, ведь эти трубы должны были приветствовать вас, молодой господин. И флаг на ратуше реял бы в вашу честь... алый с белым...

Я ежусь под пристальным взглядом. И спрашиваю, холодея:

– Что ты городишь?

– Разве вы не... – Старик тревожно оглядывается. – Нет, я не мог ошибиться! Ваша мать, молодой господин... ее ведь зовут Юлией?

– Откуда ты знаешь? – спокойно спрашивает Лека.

– Свет Господень, одно лицо! Отец панночки Юлии... это был его город. А потом добрый наш король объявил его мятежником, а панночку выдал замуж. И Готвянь стала коронным городом. Но не все успели позабыть...

Так... похоже, наш собеседник не из тех, кому нравятся перемены... что ж, могло быть и хуже. Правильно мы сделали, отказавшись идти с Карелом.

– Я не хочу лишних разговоров, – говорю старику.

– Боже упаси! Вы, молодой господин, имеете право требовать. Я не из тех, кто забывает добро, и я обязан вашей семье.

– Как зовут тебя? – спрашиваю.

– Олли. Просто Олли.

– Забавно... мне всегда нравилось сочетание белого с алым.

– Что удивительного, – улыбается Лека, – ведь госпожа Юлия предпочитает эти цвета. Теперь мы знаем, почему. Что скажете, почтенный Олли, об этом трактире? Море морем, а пожалуй что и перекусить пора...

– Трактир мой. То есть сейчас-то все больше сын с женой хозяйнуют... Заходите, прошу вас, молодые господа. Для нас это честь.

Через пару минут стол перед нами едва не ломится. Мясо белое и красное, рыба жареная и запеченная с грибами, вино трех сортов, белый хлеб, сыр и паштет... Лека приподнимает брови. Я лезу в кошелек:

– Почтенный Олли, мы ценим ваше гостеприимство... но не те ныне времена, чтобы... Нет, не отказывайтесь. Прах меня заberi, в Корварене так не кормят!

Что-то в глазах Олли подсказывает мне, что и в Готвяни так кормят не всех... но он берет все-таки деньги, кланяется и отходит. Кажется, снова вышел на улицу слушать волны и далекие трубы.

3. Монах по приговору

Монах собирал подаяние. Обычное дело, по Корварене таких ходит – не счесть. Этот был, похоже, стар. Впрочем, седая борода сама по себе еще ничего не значит, а глаза из-под низко надвинутого капюшона глянули на нас остро и пристально.

– Во славу Господа, – Лека опускает в кружку полупенс.

– Во славу... – Я протягиваю руку с монетой, встречаюсь с монахом взглядом и столбенею. Свет освещает его лицо... монета падает из враз ослабевших пальцев, вертится на столе, монах прихлопывает ее тяжелой ладонью и тихо предлагает, кивнув на свободный стол в темном углу:

– Поговорим.

Я иду за ним, как во сне. Потому что взаправду – такого просто быть не может!

– Дед? – шепотом спрашиваю я.

– Гляди-ка, узнал, – удивляется монах. – Или догадался?

Я пожимаю плечами.

– Я даже не знаю, за кого ее отдали, – глухо произносит он. – Говорили, за простого гвардейца. Правда?

– Да.

– Будь он проклят...

– Не смей! Они любят друг друга, мама с ним счастлива, клянусь!

– Счастлива? – Он горько усмехается. – Я слышал, он калека. И увез ее куда-то сразу после... после свадьбы.

– А говорил, не знаешь.

– В тех слухах, что доходят до нашей обители, мало правды. Где она? У него имение?

– Матушка – первая дама королевы Марготы. Ну, отец тоже при деле... Не такой уж он и калека. Фехтовать меня он учил. И неплохо выучил.

– Я не спросил твоего имени.

– Сергей. Серега.

– А его?

– Ты взаправду хочешь знать? Ожье.

– Ты один у них?

– Еще Софи. – Я невольно улыбаюсь. – Ей уже пятнадцать.

– Невестится, поди, – усмехается дед.

– Если бы! – Улыбка моя расплывается во весь рот... как всегда, когда речь о сестренке. Люблю я ее. – Оторва, верхом любому мальчишке фору даст. С нами хотела, веришь?

– Так, разговор дошел до сути... – Глаза деда полыхают яростным огнем непонятного мне чувства. – Что вы здесь делаете? И, кстати, «вы» – это кто?

– Я с другом. – Я оглядываюсь на Леку. – Мы вроде как учимся.

– Вроде как?

– Ну, учебой это не назовешь. Университет, ха! Убиение времени.

– Впереди зима. Голод и холод. Время власти Подземелья. Лучше бы вам вернуться домой.

– Ну...

Дед насмешливо наблюдает за моим смятением. Потом наклоняется ближе:

– Послушай, не очень прилично с твоей стороны врать мне в лицо. Вы шпионите для Двенадцати Земель, так?

Я смотрю в его яростные глаза... Ненависть, вот что это за чувство! Он был господином Готвяни, напоминаю я себе. Ладно... была не была!

– И что? Побежишь доносить?

Могучий кулак ударяет в столешницу.

– Сопляк!

Стол подпрыгивает. Звякает серебро в кружке. Посетители оглядываются на нас – и отворачиваются.

Кроме Леки.

Лека в один миг оказывается у нашего столика. И говорит с преувеличенным удивлением:

– Вроде раньше я не замечал за тобой способности приводить в бешенство святых отцов... Фигушкин не в счет, само собой. Простите моего друга...

Дед ощутимым усилием разжимает кулак. Мне кажется, с этим простым движением уходят и все обуревавшие его чувства.

– Вы простите. Я погорячился, а это недостойно моего нынешнего положения. Вы можете вернуться к вашему ужину, молодой человек.

– Имей в виду, – говорю я, – у меня нет секретов от побратима. Лека, это мой дед.

Лека, не глядя, придвигает стул. Садится. Говорит:

– То-то мне знакомым почудился... Как Софи на него похожа-то. Как мне вас называть, господин?

– А никак, – кривится дед. – Имена у нас в обители – смех один. Брат Смирение, брат Милосердие, брат Непорочность... ну их в пень. Ненавижу. В общем, так, парни. Не надо дурацких ответов на глупые вопросы. Вы можете мне верить, клянусь в том Светом Господним и памятью о прежних днях. Я готов помочь. Все, что в моих силах. Деньги, убежище, совет...

– Ради мести? – спрашиваю тихо. – Но ведь это – твоя страна...

– Давно ты здесь?

– Пару месяцев.

– Оно и видно. Для этой страны, внушек, любые перемены будут только к лучшему. Таргала катится в пропасть. Эта зима станет для нее последней, готов спорить на собственную душу... и только одно может спасти ее – падение доброго нашего короля. – Дед едко усмехается. – Новый король – у которого хватит ума договориться с Подземельем.

– Карел?

– Этот щенок? Да он шагу не ступит без разрешения старого волка... Нет, здесь нужен мятеж, а он – верный сын. К сожалению.

Вдалеке ударяет колокол. Раз, другой... третий.

– Мне пора, – выдыхает дед.

Я вскакиваю:

– Мы проводим! Я... я не хочу так сразу расстаться с тобой.

Дед скупно улыбается.

Лека кличет Олли, говорит:

– Мы вернемся.

– В любое время, молодые господа! Я сдаю комнаты, если вам нужно...

Мы переглядываемся.

– Почему нет, – говорю.

– Так я приготовлю, – кивает старый трактирщик. – Можете хоть среди ночи приходить, стукнете в ставень, что под вывеской, я открою.

– Олли, – негромко зовет дед, – спасибо.

– Рад служить, господин, – так же тихо отвечает Олли. – И... рад, что вы встретились.

– Чудные дела, – говорю, когда мы выходим на улицу. – Вот уж не думал, что встречу здесь деда...

– Олли у меня капитаном стражи был. Соображает быстро, и глаз до сих пор верный. Надо же, как тебя выцепил! На Юличку, говорит, парень похож, – а ты ведь и не сказать, чтоб вылитый... так, в глазах что-то.

Судьба, думаю.

– Дорогу-то запоминайте... – Дед сворачивает в сбегающий на самый берег переулочек. – Пригодится. У нас при обители гостиница для странников, имен там никто не спрашивает и дел тоже. Если вдруг укрыться – лучше места не найдете.

– Плохо тебе там? – спрашиваю я.

– Душно. Тошно. Не для меня такая жизнь. Брат Покаяние, тьфу!

– Дед... а давай с нами! Ты даже можешь нас и не ждать, мы втроем тут, Ясек тебя проводит до нужного человека, а тот через горы переведет. Мама обрадуется...

– Я клялся, – глухо отвечает дед. – Иначе кто б меня за ворота выпустил, я ж по приговору там. Никуда мне уже не деться... не уйти.

Мы выходим к морю, сворачиваем на бегущую вдоль берега тропку. Здесь остро пахнет водорослями и солью, совсем рядом разбиваются о камни прозрачно-серые волны, и временами до нас долетают брызги. Вдалеке, у самого горизонта, белеют паруса.

– Свет Господень, – выдыхает дед, – как же я ненавижу эту коронованную сволочь...

4. Карел, наследный принц Таргалы

Сегодняшнее утро почему-то напоминает мне другое... Утро после совершеннолетия Карела. Нет, нынче он не бледный до лиловости, и вряд ли будет плескать себе в лицо водой из фонтана... но некоторая помятость есть, есть. И тени под глазами... опять, что ль, не спал ночь? А что, очень может быть: Готвянь только начала просыпаться, на улицах лишь редкие рыбаки, спешащие на рынок, и ратуша в рассветном тумане кажется призрачной.

– Побродим? – спрашивает Карел. – Пройтись надо... засиделся.

– К морю, – предлагаю я. Вчера, возвращаясь из обители, мы с Лекой долго не могли свернуть с тропки над берегом: очень уж завораживает эта даль, этот запах, шорох волн... и почему-то всплывает в памяти степь перед рассветом.

– Пусть к морю. Мне лишь бы ногами перебирать... думается лучше.

– Что-то смурной ты какой-то, – говорю. – Совсем делами завалили?

Карел не сразу отвечает. Идет, уставясь под ноги... и вдруг отвечает:

– Знаете... кажется, я решился.

– На что? – спрашивает Лека.

– Поговорить с отцом. О мире с Подземельем. О том, что нельзя так больше, мы просто не выдержим, запас прочности вычерпан до дна...

– Ты никогда не говорил с ним об этой войне?

– Боже мой, нет! – Карел даже головой мотнул. – Это та тема, от которой он свирепеет. Но нельзя же все время молчать! Ведь все хуже и хуже... В конце концов, я уже совершеннолетний, а это включает право голоса в королевском совете.

– Карел, – Лека останавливается, – я хочу задать тебе один вопрос. Не в обиду и не для ответа. Ты осознаешь риск?

Карел пожимает плечами:

– Думаю, да.

– Не уверен, – бурчит Лека. – Ладно... в конце концов, он же твой отец. Хотя, скажу честно, не нравится мне эта затея.

– Предложи что-нибудь лучшее, – Карел почти кричит. – Хоть что-то! Что угодно, лишь бы был толк!

– Карел... всё, что приходит мне на ум, еще хуже.

– Вот и молчи.

– Молчу, – вздыхает Лека. – Просто я боюсь, вот и всё. Кошки душу дерут. Глупо, наверное.

А я смотрю на Карела, упрямо сжавшего губы, – и вспоминаю обидные слова деда: «Щенок, он шагу не ступит против воли старого волка». Ты ошибся, дед. И, прах меня заberi, я этому рад.

– Лека, это его страна, – говорю. – Он прав. Ты прав, Карел, слышишь? Уж кто-кто, а ты имеешь право беспокоиться о будущем Таргалы.

– Я и не говорю, что не прав. – Лека передергивает плечами. – Просто мне тревожно.

– Да и мне не так чтоб спокойно, – хмуро признается Карел. – Вы-то как, устроились? Может, все-таки ко мне?

– Если б ты только знал, как мы устроились, – улыбаюсь, вспомнив вчерашний ужин и сегодняшний завтрак, – ты сам сбежал бы к нам. Серьезно тебе говорю!

Улица выводит нас к порту. Здесь, верно, вообще не спали... Карел рассеянно обзревает бестолковую на наш неопытный взгляд сутолоку и сворачивает на мощеную ровной известняковой плиткой набережную.

Я приостанавливаюсь, рассматривая стоящий у причала корабль. Никогда не думал, что они настолько... так огромны. Потемневший борт нависает над головой, как крепостная стена, а свернутые паруса кажутся отсюда, снизу, вровень с облаками.

– Нравится? – рядом останавливается молодой, чуть старше Карела парень. – Моя. Игрушка!

Таким голосом Вагрик говорил о своем Ясмине...

– Хорошенькая игрушка, – бормочу я. – С такой управиться...

– Да ладно! – Парень довольно усмехается. – Ты, видать, приезжий? Надолго в Готвянь?

– Как получится, – неопределенно отвечаю я.

– А потом?

– В Корварену.

– Я думал, может, морем куда собрался. Ищу фрахт.

Я хочу спросить, что за штука такая – фрахт, но тут к нам подбегает мальчишка и дергает моего собеседника за рукав:

– Вик, слышь, Вик! Тебя в конторе какой-то хмырь спрашивает! Важный – страх! Конторские перед ним на цырлах!

– Вот прям-таки меня?

– Ну!

– Бывай, парень! – Вик хлопает меня по плечу, поворачивается и шагает прочь. А я бегу догонять ребят.

– Когда ты думаешь... этот разговор? – спрашивает Лека.

– Лучше, наверное, вечером... То есть, конечно, лучше было бы с утра, но на утро отец уже назначил прием старшин.

– Завтра утром, – быстро говорит Лека.

– Нет. Мне бы до вечера не раздумать... Лека, ну неужели я совсем уж трус: так выгадывать время для разговора с собственным отцом!

– Я бы назвал это дипломатией, – серьезно отвечает Лека. – Уж больно разговор серьезный.

– Сегодня вечером, – Карел поправляет берет и зло щурится.

– Тогда так... – Лека кладет ладонь Карелу на плечо, сжимает. – Мы будем ждать тебя. Возле ратуши, у фонтана. С обеда... мало ли, вдруг ты раньше... и – хоть до ночи. Хоть до утра, Карел, слышишь? Обещай мне... – Лека запинается.

– Что?

– Обещай, что ты выйдешь к нам после этого разговора, что бы ни случилось. Обещай, что тебе помешает выйти только арест.

– Арест?! Лека... ты спятил.

– Может быть. Так обещаешь? Карел?

– Лека, что за ерунда... хорошо, обещаю. Но с чего ты...

– Я извинюсь, если окажется, что ерунда, – глухо отвечает Лека. – С удовольствием извинюсь.

5. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Брат библиотекарь провожает нас до садовой калитки.

– Знаешь, Серж, я...

– Анже! Ну отвлекись ты хоть на пару минут от этого дознания. Посмотри, что за благодать вокруг... хочешь, я тебя с Серебряной Струной познакомлю? А то слов нет, как надоело его сагу по полпорции в день получать.

Пожалуй, я и в самом деле отвлекся на пару минут – на раздумья о знакомстве с Мишо. Но... нет, не ко времени! Не до того.

– Гнетет меня Лекина тревога, Серж. Будто и впрямь что случится. Да ведь и может: уж то, что Лютый на мир с Подземельем не пошел, мы знаем точно!

– А я, чтоб ты знал, о тебе тревожусь. Гонишь... как там Лека твой говорил: «Как на вражьи похороны»?

Я улыбаюсь.

– Серж, я обещаю – обещаю, слышишь? – рассчитывать свои силы. Усталым я туда не полезу.

– И на том спасибо, – шутливо благодарит Серж. – Значит, к тебе и за работу?

– Да. Я отдохнул у брата библиотекаря, и до ужина полно времени. Жаль, что нет у нас хоть чего из вещей Карела...

6. Вечер в «Морском змее»

– Он выгнал меня, – произносит Карел – незнакомым, чужим и мертвым голосом.

– То есть? – Лека откровенно радуется: ведь взаправду ждал ареста Карела, и последний час мы всерьез обсуждали, как могли бы его вытащить. – Не захотел говорить?

– Да нет, – бесцветно возражает Карел, – поговорили.

Рука его поднимается к непокрытой голове – и падает. Прах меня заberi!.. Я оглядываюсь на ратушу. Кажется, я понимаю, как они поговорили.

– Уйдем отсюда, – говорю. – Потом все разговоры. Карел, пошли с нами... Ну, встряхнись! Пойдем.

Его приходится брать за локоть и тащить.

– Куда? – наконец спрашивает он.

– В «Морского змея». К нам. Хочешь выпить?

– Да... Нечистый меня задери, да.

– Ну так вперед!

Я ускоряю шаг, свирепо глянув на Леку: «Молчи пока!» – но Лека, кажется, и сам уже понял.

Мы долго идем молча. Первым заговаривает Карел.

– Он выслушал. А потом... Свет Господень, таким я его не видел! Поговорили, да! – И Карел хрипло смеется.

Я распахиваю дверь «Морского змея», впихиваю Карела внутрь.

– Ты боялся моего ареста? – Карел берет Леку за плечи, трясет. – Нет, он всего лишь меня выгнал. Вытурил. Взащей, Нечистый меня задери...

– Тебя, кажется, это удивило? – спрашивает Лека. – Выпьешь?

– Да. На оба вопроса – «да».

Мик, молодой хозяин, уже подбегает с вином. Видно, углядел – что-то не так.

– Еще вина, – приказывает Лека. – И закуски. Плотной.

– Сию минуту!

Карел выпивает кубок вина залпом, как воду. Вряд ли он чувствует вкус. У него трясутся руки, вино переливается на подбородок, капает на воротник.

– Налей еще, – просит он.

Мчится слуга, сгружает на стол еще два кувшина вина, поднос с холодным мясом, хлебом и сыром, тарелки с жареной рыбой. Я кладу на хлеб два куска мяса, протягиваю Карелу:

– На, заешь. Не надо тебе напиваться. Легче все равно не станет, серьезно тебе говорю.

– Не станет, – кивает Карел. Берет еще кубок. Выпивает. Роняет кубок на стол; неподпитый поток растекается по стоешнице кровавой лужицей. Карел смотрит на хлеб с мясом и снова тянется к вину.

– Хватит! – Лека придерживает его руку. – Серега дело говорит. Заешь. И скажи все-таки: чему ты удивлен? Я говорил тебе, что толку не будет.

– Я... ну да, я удивлен. Я, нечистый меня задери, больше чем удивлен... я поражен, ошеломлен и не знаю что еще. Он должен бы понимать, что ждет нас. А он... – Карел берет-таки хлеб, но до рта не доносит; руки дрожат, мясо падает на стол, в винную лужицу, расплескивая кровавые брызги. – Он чуть не убил меня. Он... Я видел его всяким, но никогда – таким. Или... или вы тоже считаете меня трусом? Бесхарактерным слизнякам, гномьей соплей? – Карел смеется, хрипло, мотая головой... В глазах его блестят слезы. – Вот я удивлен, а ты, – он тычет трясущимся пальцем в Леку, – нисколько! Он ведь отрекся от меня по всей форме – а ты не удивлен. Почему, а?

– Сказать тебе? – Лека смотрит на Карела долгим взглядом, наливает себе вина. – Хорошо. Я скажу, почему не удивлен, почему говорил, что толку не будет... Почему не стану звать тебя к себе домой, хотя очень этого хочу... Знаешь что, Карел, нечего нам здесь делать. Закончим ужин в комнате. Хозяин!

– Да, господин.

– Всё – к нам в комнату.

– Еще вина?

– Да! – Карел поднимается, широкие ладони тяжело ложатся на столешницу. – Еще столько же.

– Как прикажете, господин.

– Пойдем, Карел.

– Ты обещал сказать... почему ты не удивлен, а?

– Пойдем в комнату, там скажу.

Я отстаю от них на пару шагов. Говорю Мику и подошедшему на шум Олли:

– Не надо вина. Он и так разошелся, от вина только хуже станет.

– Что-то случилось, молодой господин?

– Да. Случилось... Вы все узнаете сами, почтенный Олли. Вся Таргала узнает... Или я не понимаю этого короля. Мы, наверное, уедем поутру, Олли. Спасибо вам.

– Что вы, молодой господин! Вам спасибо! По нынешним временам редко кто платит полновесной монетой... а вы ведь знали, что я принял бы вас и так.

Хлопает задняя дверь, на миг впустив вой ветра и далекий гул штормового прибоя. Олли подзывает служанку, кивает на наш стол:

– В комнату к молодым господам. Всё, кроме вина.

Я выскакиваю во двор, переглядываю с Лекой. Карел стоит, запрокинув голову, ловит лицом редкую морось. Спрашивает глухо:

– Нужно ли ждать весну? Я и так знаю, что она принесет... Я не хочу этого видеть.

7. Ночь молчания

Мы покидаем Готвянь на рассвете. Я расплатился с Олли, он собрал еды в дорогу.

Карел молчит. Вчера он долго стоял во дворе «Морского змея», глядя в темное небо. А когда вошел-таки в комнату, попросил:

– Не говори ничего сейчас, Лека, друг... Хватит с меня на сегодня. О том, какой я малодушный трус, ты не скажешь ничего нового. А что я глупец – я понял и сам. Хватит. Остальные откровения оставь на завтра.

– Поешь хотя бы.

– Не хочу. – Карел упал на кровать, лицом в подушку, плечи его мелко затряслись. Лека покачал головой и молча погасил лампу.

Не знаю, заснул ли Карел – а мы с Лекой не спали. Сидели, прижавшись друг к другу плечами. Молчали. Смотрели на Карела – глаза привыкли к темноте, и его движение мы бы не пропустили. Но он не шевелился.

– Вставай, – сказал Лека, когда предраассветные сумерки опустились на мир звенящей дождем тишиной. – Вставай, Карел. Не надо нам здесь оставаться.

Карел сел, тряхнул головой:

– Ты о чем?

– Хочешь еще поговорить с отцом?

– Я?! Боже упаси, нет!

– А с матушкой?

Карел встал. Поймал Лекино плечо:

– Как ты догадался?

– Просто, – вздохнул Лека. – Представил себя на твоём месте.

– Неприглядное, должно быть, зрелище, – хмыкнул Карел. – Знаешь что? Зря ты вчера не дал мне напиток.

– Успеешь.

– Я хотел вчера... Мне стало бы легче.

– Ошибаешься.

– Я что, не имею права?! – вспылил Карел. – У меня что, не только чести не осталось, но и головы на плечах?! Свет Господень! Меня надо водить за ручку и вытирать сопли?!

– Знаешь что? – Я подошел к Карелу вплотную и взглянул ему в глаза... больные и бешеные глаза опозоренного рыцаря. – Это я вчера велел хозяину не приносить вина. Хочешь, дай мне в морду? Серьезно, Карел. Может, тебе станет легче.

– Не станет, – буркнул Карел. – Поехали, раз уж решили. Но вечером... Помните постоялый двор, в котором мы ночевали перед Готвянью? Так вот, там я напьюсь. Нам все равно надо где-то ночевать, а там... там самое отвратительное пойло из всех, что я пробовал в жизни. Таким только и надираться с горя. И – обещайте, что не станете меня останавливать.

– Ладно, – Лека затащил дорожный мешок, взвалил на плечо. – Если не начнешь буянить. Пошли.

Мы гоним коней навстречу рассвету, и впервые в жизни скачка не доставляет мне удовольствия. Пустая дорога летит под копыта, моросит нудный и холодный, истинно осенний дождь, а я думаю: Таргале не избежать войны. Если не мы, то Империя. И глупо пропускать Империю вперед. Но... куда же девать тогда нашу дружбу с Карелом?

ГНЕВ КОРОЛЯ

1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Пробовать «самое отвратительное пойло» у меня нет ни малейшего желания. Поэтому я снова беру в руки серебряную змейку Лекиного амулета. Я слышу хриплый смех Карела... хлопает дверь, шуршит дождь... забрехал невдалеке пес...

– У Таргалы нет больше принца! Слышите, нет! Король будет править вечно, до самого конца!

– Заткнись! Еще не хватало тебе загреметь в каталажку.

– За что?! За правду?

– За оскорбление короны.

– Лека, друг... постой. Скажи – ты мне друг?

– Да! Да, да, да! Успокоился? Пойдем спать, Карел. Завтра ты пожалеешь, что сегодня перебрал...

Нет, не хочу я стать свидетелем этакому безобразию! Вряд ли Лека станет раскрывать свою тайну пьяному вдрызг собеседнику.

Дальше, дальше! В Корварену.

Вот они, ее белые стены и черепичные крыши, и жухлые яблони, и рано облетевшие клены. И разносится по пустынным улицам зычный голос герольда: «Карел, сын мой и наследный принц, лишается отныне прав на наследие мое, на имя мое и герб мой!» Герои моего дознания, идущие по улице Яблонь к переулку Веселого Ваганта, прекрасно его слышат.

– Я горжусь дружбой с тобой, слышишь, Карел? Клянусь в том Светом Господним и кровью своей!

– В тебе достаточно и храбрости, и чести, и твой отец только потому не видит этого, что привык судить людей по себе. Я пошел бы с тобой в любую драку, хоть на смерть – только позови.

А ведь Мишо оказался прав, думаю я. Раскопал же... ведь ни один менестрель, кроме него, не рассказывает о том, что Лютый отрекся от сына еще тогда... до его плена в Подземелье. «Подземелье чтит принца Карела и всегда будет чтить, – слышу я гнусавый гномий голос, в котором печаль и торжество. – Мы помним, какой путь прошел он ради мира».

Память людей коротка, но я – я не забуду никогда, Карел. Я не знаю, что еще тебе предстоит – теперь я вижу, нельзя полагаться на легенды, – но и того, что пережил ты в эти две ночи и два дня, хватило бы иному, чтобы сломаться.

Правда, тебе повезло на друзей.

2. Друзья

– Во всей этой истории есть по крайней мере одна хорошая сторона, – говорит Карел. Похоже, после отвратительной ночной попойки и дня бешеной скачки ему и впрямь стало легче. Они ведут уставших коней в поводу, сапоги шуршат в ворохах кленовых листьев, глашатай смолк, и на Корварену опустилась тишина. На улицах ни души – хотя какой чудный денек! Впрочем, улица Яблонь всегда пустынна, а переулок Веселого Ваганта оживает разве что после лекций.

– То, что тебе удалось напиться до свинского состояния и даже побуянить? Да, это достижение!

– А то! Но я о другом. Мне не придется жениться.

– Ну да, – Лека усмехается, – ты ж помолвлен... я все забываю спросить – кто невеста?

– А, какая-то кукла из ханджарских принцесс.

– Ясно...

– Что тебе ясно? – не слишком дружелюбно интересуется Карел.

– Сначала император выдает за тебя дочку, потом приходит на помощь зятю, – Лека передергивает плечами. – В итоге Таргала возвращается в материнское лоно Великой Хандиарской Империи.

– А ты сообщаешь, друг мой Лека, – тянет Карел.

– Пришло время откровенности, Карел. И, боюсь, у тебя будет причина обидеться: ведь мы знакомы уже два месяца, а ты не знаешь обо мне правды.

– Ну и?

– Моя мать – Марго, твоя сестра.

– Свет Господень! – Карел останавливается. – А отец?

– Андрий, – пожимает плечами Лека. – А ты что подумал?

– Да так, извини. Я, наверное... постой! Так значит, ты шпионишь для Двенадцати Земель?

– Где ты видел шпионящего принца, Карел?! Я учусь. Правда, матушка чересчур высокого мнения о Корваренском Университете... но зато мне понравилась Корварена.

– А ты? Честно говоря, на телохранителя ты не похож.

– А на друга?

– Он мой побратим! – Принц Валерий смотрит на Карела и передергивает плечами. – Понял?

– А почему вы тайно здесь? Если не шпионите? Лека... Валерий, ты ведь мог приехать официально, тебя бы приняли с почетом...

– Последний разговор с отцом не излечил тебя от наивности? Карел, я здесь тайно, потому что мой отец знает, чего можно ждать от моего деда. Так что – нет здесь никакого Валерия. Я – Лека. А это – Серега, мой брат. И то, что ты теперь знаешь обо мне... я тебя как друга прошу, Карел, пусть это останется тайной.

– Прежде всего – от короля Анри Грозного? Ладно. Нужна тебе моя клятва?

– Карел, ну что ты несешь! Я тебе верю и без клятв. А что до сих пор не говорил... ну извини. Я не тебя боялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.